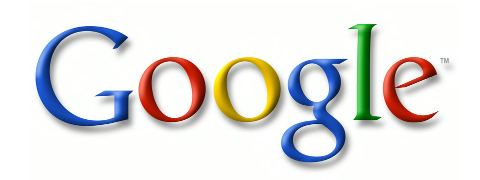
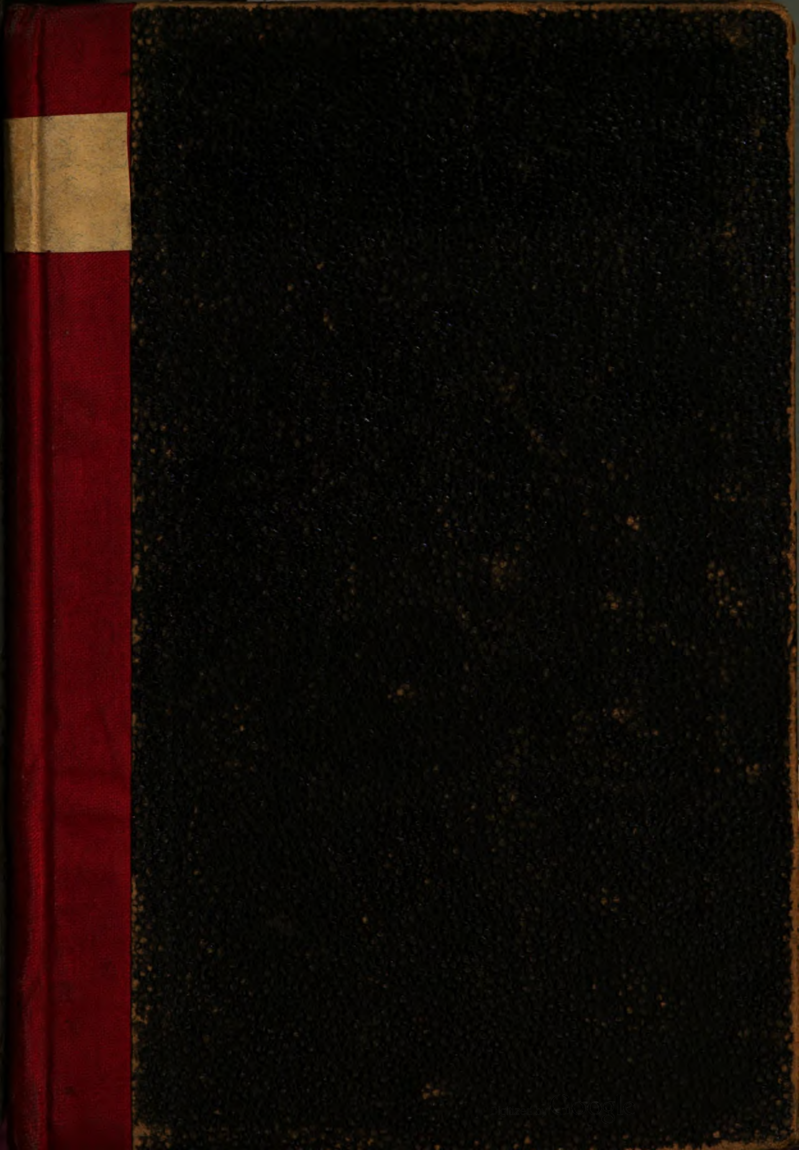
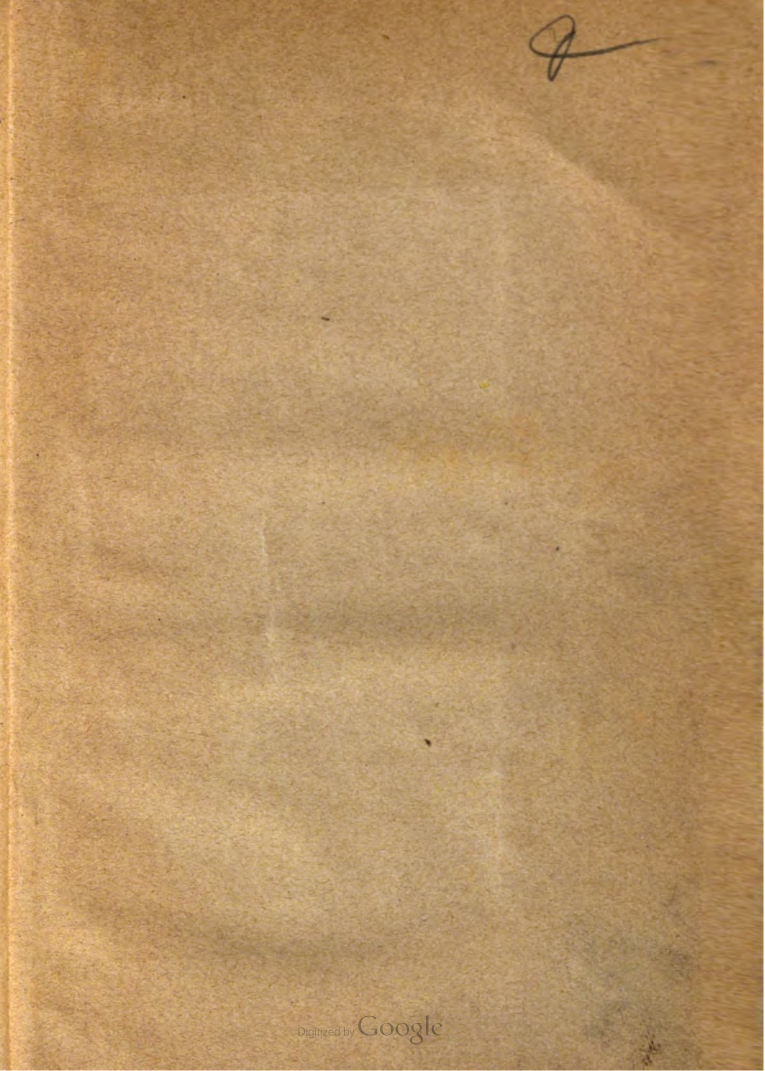

ГОРЕ ОТЪ УМА

Дозволено цензурою. Спб., 26 января 1884 г.

Типографія А. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ

родился 4 января 1795 г. въ Москвѣ; отецъ его секундъ-маіоръ Сергѣй Семеновичъ и мать Настасья Ѳедоровна были люди состоятельные и принадлежали къ свѣтскому московскому обществу, которое Грибоѣдовъ имѣлъ возможность видѣть съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Родъ Грибоѣдовыхъ старинный; предокъ его подписался на Уложеніи царя Алексѣя Михайловича и, какъ полагаютъ, былъ вызванъ изъ Польши именно для участія въ составленіи этого памятника нашего законодательства. Въ теченіе столѣтій Грибоѣдовы сдѣлались чистыми русскими.

Настасья Ѳедоровна постаралась дать своему сыну основательное домашнее образованіе подъ главнымъ надзоромъ педагоговъ-иностранцевъ. Первымъ изъ нихъ былъ Петрозиліусъ, человѣкъ очень ученый, а потомъ Богданъ Ивановичъ Іонъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи другомъ и совѣтникомъ Грибоѣдова; Іону, основательно знавшему классическіе языки, помогали избранные преподаватели. Еще въ раннемъ возрастѣ Грибоѣдовъ зналъ уже нѣсколько иностранныхъ языковъ, которые

дали ему возможность знакомиться съ богатыми европейскими литературами; онъ привыкъ къ усидчивому труду, полюбилъ научные вопросы, занимался музыкою и отлично игралъ на фортепіано, на которомъ любилъ импровизировать. Въ 1810 году его опредѣлили въ университетъ вольнослушателемъ и Грибоѣдовъ посѣщалъ лекціи лучшихъ тогдашнихъ представителей литературной и философской школы. Особенное вліяніе на литературное его образованіе имѣлъ профессоръ исторіи и эстетики І. Т. Буле, но Грибоѣдовъ не увлекался его лекціями о псевдо-классицизмѣ. Въ молодомъ человѣкѣ, подъ вліяніемъ образованія, начало складываться критическое отношеніе къ тогдашней жизни, къ тогдашнему обществу, въ особенности высшему, среди представителей котораго онъ, можно сказать, жилъ. Многое изъ того, что говоритъ Чацкій о своемъ дѣтствѣ и юности, Грибоѣдовъ испыталъ на самомъ себѣ. Мать его желала видѣть въ сынѣ блестящаго свѣтскаго молодого человѣка, который составилъ бы себѣ служебную карьеру, а потому съ неудовольствіемъ посмотрѣла на первыя литературныя произведенія своего сына. А его именно тянуло къ литературѣ. Онъ ясно видѣлъ недостатки общества, среди котораго проходила его жизнь, и глубоко возмущался ими. Попробовавъ свои силы въ сатирическомъ родѣ, Грибоѣдовъ, говорятъ, еще 17-ти-лѣтнимъ студентомъ уже задумалъ свое безсмертное произведеніе „Горе отъ ума“ и читалъ отрывки изъ него своему гувернеру, Іону, и нѣкоторымъ товарищамъ. Если это и было такъ, то, конечно, этотъ замыселъ и эти отрывки были очень далеки отъ того, что онъ сдѣлалъ впослѣдствіи. Это было въ 1812 г., въ годъ

выхода Александра Сергѣевича изъ университета, въ годъ, памятный однимъ изъ величайшихъ событій въ новой русской исторіи—нашествіемъ французовъ и патріотическимъ одушевленіемъ русскаго общества. Грибоѣдовъ глубоко чувствовалъ этотъ народный порывъ и стремился принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Онъ вступилъ въ гусарскій полкъ графа Салтыкова; но полкъ формировался изъ аристократовъ, на свои средства, и формировался очень медленно. Между тѣмъ Наполеонъ занялъ Москву. Графъ Салтыковъ вскорѣ умеръ въ Казани, и полкъ его былъ распущенъ. Но Грибоѣдовъ серьезно былъ одушевленъ любовью къ отечеству и поступилъ въ иркутскій полкъ: въ концѣ 1812 года мы находимъ его въ литовскихъ мѣстечкахъ, мѣстѣ стоянки полка. Но Грибоѣдову такъ и не удалось помѣриться съ непріятелемъ: полкъ его не успѣлъ присоединиться къ дѣйствующей арміи, и избытокъ силъ и чувства тратился по-пустому, среди разгульныхъ товарищей и безшабашныхъ затѣй, не знавшихъ удержу. Онъ дурачился, какъ всѣ, даже, быть можетъ, болѣе другихъ: то въѣзжалъ съ товарищемъ на лошадяхъ на балъ, во второй этажъ дома, то садился на мѣсто органиста въ брестскомъ монастырѣ за органъ, превосходно импровизировалъ, поражалъ всѣхъ торжественными религіозными звуками, которые онъ извлекалъ изъ органа, и затѣмъ вдругъ начиналъ играть „Камаринскую" въ самой серединѣ католической обѣдни. Все это сходило съ рукъ, но безпутная жизнь долго отзывалась на немъ: „я въ этой дружинѣ, писалъ онъ, всего пробылъ 4 мѣсяца, а теперь 4-й годъ, какъ не могу попасть на путь истинный". Военная служба, однако, познакомила

его съ характеристическими типами военнаго сословія, что также отразилось впослѣдствіи въ его комедіи. Во время стоянки въ Брестѣ Грибоѣдовъ, подъ вліяніемъ своего товарища и друга, Степана Никитича Бѣгичева, одумался отъ дурачествъ и сталъ вести другую жизнь. Этого Бѣгичева сестра Грибоѣдова, Марья Сергѣевна, называла „провидѣніемъ" ея брата и, дѣйствительно, онъ имѣлъ на него благотворное вліяніе. Ко времени нахожденія Грибоѣдова въ иркутскомъ полку относится его знакомство съ извѣстнымъ нашимъ драматическимъ писателемъ, княземъ Шаховскимъ, тоже служившимъ въ военной службѣ. Грибоѣдовъ послалъ изъ Бреста въ „Вѣстникъ Европы" два письма: одно о кавалерійскихъ резервахъ, другое о праздникѣ въ честь командира полка. Это первыя печатныя произведенія Грибоѣдова. Въ Брестѣ же онъ перевелъ довольно неуклюжими стихами съ французскаго комедію „Молодые супруги". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стремился въ Петербургъ, такъ какъ военная жизнь стала надоѣдать ему. Въ богатой природѣ Грибоѣдова было слишкомъ много свѣтлыхъ началъ, слишкомъ много зачатковъ и стремленій къ лучшему кругу, къ лучшей умственной средѣ.

Въ 1815 г. мы видимъ его уже въ Петербургѣ; благодаря князю Шаховскому, онъ сходится съ записными театралами и писателями для сцены; наиболѣе онъ сблизился съ П. А. Катенинымъ и А. А. Жандромъ. Время это было строгое для театра; за шиканье актрисѣ, имѣвшей какого-нибудь важнаго покровителя, можно было серьезно поплатиться. Грибоѣдовъ былъ горячъ и увлекался постоянно; въ видѣ его ангела-хранителя является молодой другъ его, че-

ловѣкъ съ рѣдкими качествами, Александръ Одоевскій. Этотъ же Одоевскій былъ впослѣдствіи другомъ другого нашего знаменитаго поэта, М. Ю. Лермонтова, и самъ писалъ глубокопрочувствованные стихи. Грибоѣдова любили въ обществѣ за его умъ, остроуміе и совершенную незлобивость и веселость. Попадая въ кругъ молодыхъ людей, онъ дѣлался душою ихъ. Такъ какъ театръ былъ любимымъ развлеченіемъ того кружка, гдѣ онъ вращался, то Грибоѣдовъ попробовалъ счастье на сценѣ. 29 сентября 1815 г. его первая комедія „Молодые супруги" дается на петербургской сценѣ; въ 1816 г. онъ вышелъ въ отставку, въ февралѣ 1817 г. онъ поставилъ на сцену переведенную вмѣстѣ съ Жандромъ камедію „Притворная невѣрность", а въ январѣ 1818 г. идетъ его пьеса „Своя семья", уже напоминающая бойкостью стиха „Горе отъ ума". Работая для сцены, онъ писалъ въ журналы мелкія статейки, переводилъ стихотворенія съ нѣмецкаго и принималъ дѣятельное участіе въ жизни общества. Онъ много думалъ, много занимался и сохранилъ среди разныхъ вліяній независимый образъ мыслей. „Кровь сердца всегда говорила у него въ лицѣ", говоритъ о немъ Бестужевъ (Марлинскій) „никто не похвалится его лестью, никто не дерзнетъ сказать, что слышалъ отъ него неправду. Онъ могъ самъ обманываться, но обманывать другихъ—никогда. Твердость, съ которой онъ обличалъ порочныя привычки лица, несмотря на знатность особы, показалась бы инымъ катоновской суровостью, даже дерзостью". Грибоѣдовъ мужалъ все болѣе и болѣе и приникалъ къ прогрессивному кружку; но и тутъ онъ видѣлъ своимъ яснымъ умомъ комическіе элементы и умѣлъ отдѣлять существенное отъ

неважнаго. Къ 1816 году относятся первые наброски плана „Горе отъ ума“ и нѣкоторыхъ сценъ. Пріятели одобрили, и Грибоѣдовъ сталъ работать далѣе. Въ 1817 г. онъ зачисленъ на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ и въ этомъ же году познакомился съ Пушкинымъ. Въ 1818 г. мы встрѣчаемъ его уже въ Персіи, въ городѣ Тавризѣ, секретаремъ русскаго посольства. Попалъ онъ сюда отчасти по настоянію семьи, которая хотѣла удалить его отъ петербургскихъ соблазновъ, а эти соблазны были таковы, между прочимъ, что Грибоѣдовъ принялъ участіе, какъ секундантъ, въ одной несчастной дуэли, кончившейся смертью одного изъ противниковъ (Шереметева, дравшагося съ графомъ Завадовскимъ).

Отправлялся онъ въ Персію съ мрачными предчувствіями; ему казалось, что онъ не вернется оттуда, что тамъ будетъ его могила. Въ его стихотвореніи „Прости, отечество!“ которое онъ написалъ тогда, звучитъ сильное отчаяніе. Напримѣръ:

Не наслажденье—жизни цѣль,
Не утѣшенье—наша жизнь.—
Насъ цѣпь угрюмыхъ должностей
Опутываетъ неразрывно.—
Премудрость! вотъ урокъ ея:
Чужихъ законовъ несть ярмо,
Свободу схоронить въ могилу,
Не вѣрить въ собственную силу,
Отвагу, дружбу, честь, любовь.

Предчувствія какъ бы оправдались. Въ Тифлисѣ онъ принужденъ былъ драться на дуэли и былъ ра-

ненъ въ лѣвую руку *). Пріѣхавъ въ Персію (1819 г.), онъ принужденъ былъ вести уединенную жизнь въ Тавризѣ, и, можетъ быть, это уединеніе принесло Грибоѣдову пользу. Сильная воля его укрѣпилась, всегдашней его любознательности не мѣшали уже развлеченія. Онъ много читалъ и много учился по всѣмъ отраслямъ знанія. Способность его къ изученію языковъ была необыкновенная: онъ въ совершенствѣ узналъ персидскій языкъ, прочелъ всѣхъ персидскихъ поэтовъ и самъ могъ писать стихи на этомъ языкѣ. Относительно служебной дѣятельности онъ и здѣсь явился тѣмъ патріотомъ, какимъ былъ всегда, если обстоятельства указывали ему на дѣятельность, полезную для отечества. Онъ пріобрѣлъ полное довѣріе наслѣдника персидскаго престола, принца Аббаса-Мирзы, уваженіе англійской миссіи, уговорилъ многихъ русскихъ плѣнныхъ, поселившихся въ Персіи и вступившихъ въ персидскую военную службу, возвратиться въ отечество, и самъ проводилъ этотъ отрядъ въ наши предѣлы. Дорогою онъ подвергалъ свою жизнь опасности, потому что персіяне озлобленно смотрѣли на него, какъ на виновника возвращенія русскихъ. Въ 1822 г. онъ добился того, что его перевели въ Тифлисъ къ главнокомандующему въ Грузіи, знаменитому Ермолову, по дипломатической части. Съ Ермоловымъ онъ познакомился еще въ 1818 г. и писалъ о немъ: „Что за славный человѣкъ! Мало того, что уменъ (нынче всѣ умны), но совершенно по-русски; на все годенъ, не

*) Дуэль эта была съ Якубовичемъ, который былъ секундантомъ Шереметева. По просьбѣ отца Шереметева, всѣ участники дуэли были прощены, исключая Якубовича, который выписанъ тѣмъ же чиномъ въ армію и отправленъ на Кавказъ.

на одни великія дѣла, ни на однѣ мелочи. Притомъ— тьма краснорѣчія". Ермоловъ любилъ и уважалъ Грибоѣдова; съ своей стороны, искренно привязанный къ нему, онъ сопутствовалъ ему даже въ военныхъ экспедиціяхъ. „При Алексѣѣ Петровичѣ (Ермоловѣ), писалъ Грибоѣдовъ, у меня много досуга было, и если я немного наслужилъ, такъ вдоволь начитался". Въ это время онъ написалъ первыя два дѣйствія „Горе отъ ума", которое, къ слову сказать, не предназначалось первоначально имъ для сцены. Въ 1823 г. онъ отпросился въ кратковременный отпускъ въ Москву и пробылъ въ отпуску болѣе года. Подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, онъ передѣлалъ написанные акты и послѣдніе два написалъ въ имѣніи Бѣгичева, селѣ Дмитровскомъ, Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда, лѣтомъ 1824 г. Каждый стихъ онъ отдѣлывалъ съ необыкновенной тщательностію, десятки разъ мѣнялъ фразы, желая создать живой разговорный языкъ, желая отдѣлать стихъ „такъ гладко, какъ стекло". Комедію знали только самые близкіе люди.

Одинъ изъ знакомыхъ сестры Грибоѣдова, графъ Віельгорскій, нашелъ на ея фортепіано отдѣльные листки комедіи, пришелъ отъ нихъ въ восторгъ—и молва о комедіи распространилась, а чтеніе ея произвело сильное впечатлѣніе. Грибоѣдовъ рѣшился поставить комедію на сценѣ и сталъ ее передѣлывать и примѣнять къ условіямъ сцены и цензуры. Но всѣ хлопоты его и его друзей, даже хлопоты его родственника, женатаго на его двоюродной сестрѣ, Паскевича, впослѣдствіи фельдмаршала, не привели ни къ чему. Воспитанники петербургскаго театральнаго училища задумали было разыграть комедію,

Грибоѣдовъ руководилъ репетиціями, но и это представленіе не удалось. Только въ 1827 г. Грибоѣдовъ увидѣлъ свою комедію на сценѣ, именно въ Эривани, гдѣ былъ устроенъ офицерскій театръ въ прежнемъ дворцѣ персидскихъ сердарей. Уже послѣ смерти поэта, именно 26 янв. 1831 г., комедія, съ урѣзками, дана была на сценѣ Петербурга, а 27 ноября того же года въ Москвѣ. Въ печати комедія явилась тоже послѣ смерти Грибоѣдова, въ 1833 г., съ значительными выпусками, но за то она распространилась въ десяткахъ тысячахъ списковъ по всей Россіи. Только въ нынѣшнее царствованіе комедія явилась въ печати въ полномъ видѣ. Но благодаря продолжительному странствованію ея въ рукописи, текстъ комедіи до сихъ поръ не могутъ установить и являются изданія съ отысканныхъ новыхъ списковъ. Должно сказать, однако, что эти новые списки не заслуживаютъ довѣрія и часто представляютъ просто описки писца. Такими описками, выдаваемыми за „важные варіанты", особенно изобилуетъ тифлисское изданіе „Горе отъ ума" князя Эристова 1878 г.

Грибоѣдовъ въ іюнѣ 1824 г. собирался было заграницу, но не поѣхалъ, и только осенью 1825 г., черезъ Крымъ, который давно хотѣлось ему видѣть, вернулся въ Грузію и принималъ участіе въ экспедиціи генерала Вельяминова противъ горцевъ. Въ декабрѣ 1825 г., послѣ смерти императора Александра I, открытъ былъ заговоръ; такъ какъ Грибоѣдовъ былъ знакомъ съ нѣкоторыми участниками заговора, то его вызвали въ Петербургъ. Слѣдствіе доказало, что противъ него никакихъ уликъ не было. Награжденный чиномъ надворнаго совѣтника, онъ отправленъ былъ

обратно въ Грузію, гдѣ продолжалъ службу при Ермоловѣ, а потомъ при Паскевичѣ. Персидская кампанія дала возможность Грибоѣдову выказать въ блестящемъ видѣ и свои способности, и свое знаніе страны. Будучи родственникомъ Паскевичу, онъ чувствовалъ себя съ нимъ свободнѣе, чѣмъ съ Ермоловымъ, котораго глубоко уважалъ и которому былъ преданъ. Грибоѣдовъ своими совѣтами вліялъ на ходъ кампаніи, говорилъ, что не слѣдуетъ „уважать непріятеля, который того не стоитъ", настоялъ на движеніи къ крѣпости Аббасъ-Абадъ и къ самой Эривани. Въ заключеніи выгоднаго для насъ туркманчайскаго договора онъ не только принималъ дѣятельное участіе, но можно сказать, что этотъ договоръ — созданіе Грибоѣдова. Во время этой кампаніи Грибоѣдовъ доказалъ кромѣ того, какъ умѣлъ владѣть собой. Паскевичъ писалъ о немъ его матери, приходившейся родной теткой женѣ Паскевича: „нашъ слѣпой (Грибоѣдовъ былъ близорукъ и носилъ очки) совсѣмъ меня не слушается: разъѣзжаетъ себѣ подъ пулями да и только". Вообще Грибоѣдовъ выражался, что власть человѣка надъ собою ограничена только физическою невозможностью, что человѣкъ можетъ перевоспитать себя. Грибоѣдовъ разсказывалъ про себя, какъ онъ струсилъ, когда въ первый разъ очутился подъ ядрами какъ ему стало стыдно и какъ онъ рѣшился отучить себя отъ этого. „Я не хотѣлъ, разсказывалъ онъ, дрожать передъ ядрами, въ виду смерти, и при первомъ случаѣ сталъ въ такомъ мѣстѣ, куда доставали выстрѣлы съ непріятельской батареи. Тамъ сосчиталъ я назначенное мной самимъ число выстрѣловъ, и потомъ тихо поворотилъ лошадь и спокойно отъѣхалъ прочь.

Послѣ я не робѣлъ ни отъ какой военной опасности. Но поддайся чувству страха—оно усилится и утвердится".

По окончаніи персидской войны, Паскевичъ послалъ Грибоѣдова въ Петербургъ, поручая ему поднесть Государю туркманчайскій договоръ съ Персіей. Императоръ Николай принялъ Грибоѣдова благосклонно 14 марта 1828 г. и наградилъ его чиномъ статскаго совѣтника, орденомъ св. Анны 2 степени съ бриліантами, медалью за войну и 4,000 червонцами. Грибоѣдовъ думалъ отдохнуть, посвятить себя литературѣ, читалъ друзьямъ отрывки изъ новой пьесы „Грузинская ночь", но судьба готовила ему новое назначеніе—посланника при персидскомъ дворѣ. Грибоѣдовъ принялъ эту должность, но уѣзжалъ изъ Петербурга съ глубокою тоской. Мрачныя предчувствія томили его: „тамъ моя могила", говорилъ онъ о Персіи: „чувствую, что не увижу болѣе Россію". Пушкинъ старался его успокоить. „Вы не знаете этихъ людей (персіянъ), возражалъ Грибоѣдовъ: „вы увидите, что придется прибѣгнуть къ ножамъ". Другу своему Жандру онъ говорилъ, пріѣхавъ прямо къ нему послѣ полученнаго назначенія: „Насъ тамъ непремѣнно всѣхъ перерѣжутъ: Алаяръ-ханъ *) мой личный врагъ; не подаритъ онъ мнѣ туркманчайскаго трактата". Проводы, которые устроили ему друзья, были печальные, словно всѣ чувствовали, что не увидать имъ больше любимаго писателя. Заѣхавъ по пути къ Бѣгичеву, онъ повторялъ ему тѣ же предчувствія: „прощай, братъ Сте-

*) Алаяръ-ханъ былъ зять тогдашняго шаха и въ большой силѣ при персидскомъ дворѣ. Благодаря ему шахъ и рѣшился на войну съ Россіей.

панъ, говорилъ онъ. Врядъ ли мы еще съ тобой увидимся". Но его тянуло на югъ одно теплое чувство къ прелестному созданію—княжнѣ Нинѣ Чавчавадзе, которую онъ полюбилъ со всѣмъ пыломъ страсти, и это чувство утѣшало его. Въ Тифлисѣ онъ сдѣлалъ ей предложеніе и женился. Но счастьемъ онъ наслаждался не долго: надо было ѣхать въ Тегеранъ, въ столицу Персіи. „Я не ворочусь оттуда, говорилъ онъ друзьямъ: не оставляйте костей моихъ въ Персіи—похороните меня въ Грузіи".

Оставивъ жену свою въ Тавризѣ и сказавъ ей, что скоро вернется, Грибоѣдовъ уѣхалъ въ Тегеранъ и очутился тутъ въ непріязненной обстановкѣ. Алаяръ-ханъ пользовался всѣми случаями, чтобъ возстановить шаха и членовъ правительства противъ русскаго посланника. Кромѣ того, разныя служебныя лица русскаго посольства своими неосторожными дѣйствіями раздражали персіянъ. Недоставало только предлога, но и онъ скоро явился. Одинъ армянинъ, Мирза-Якубъ, долгое время жившій въ Персіи и, въ качествѣ главнаго евнуха, завѣдывавшій гаремомъ шаха, пришелъ въ русское посольство и просилъ оказать ему содѣйствіе къ возвращенію въ Россію; онъ имѣлъ на это право по 13 статьѣ туркманчайскаго трактата, по смыслу которой всѣ плѣнные должны быть возвращены. Якубъ былъ изъ эриванскихъ армянъ и взятъ въ плѣнъ непріятелемъ. Грибоѣдовъ принялъ въ немъ участіе. Но шахъ не хотѣлъ отпустить Мирза-Якуба, боясь, что онъ разгласитъ тайны о его семейной жизни, о его гаремѣ. Духовенство персидское стало явно возбуждать народъ противъ Грибоѣдова, который настаивалъ на возвра-

щеніи Мирза-Якуба. На базарахъ говорились зажигательныя рѣчи. Между тѣмъ въ посольскій домъ укрылись двѣ женщины, русскія подданныя, одна армянка, другая нѣмка изъ тифлисской колоніи, которыя тоже желали возвращенія въ Россію и бѣжали въ посольскій домъ изъ гарема того самаго Алаяръ-хана, который былъ такимъ ненавистникомъ Грибоѣдова. Разумѣется, народу разглашали, что иностранцы вмѣшиваются во внутреннее управленіе, что надо перебить русскихъ. Народъ взбунтовался. Это было 30-го января 1829 года. Разъяренная и постоянно возбуждаемая духовенствомъ и приближенными шаха толпа бросилась къ посольскому дому. Самъ шахъ, какъ говорятъ, побуждаемый англичанами, которые видѣли въ Грибоѣдовѣ сильнаго противника, зналъ о готовящейся расправѣ. Толпа все росла и росла. Небольшая часть казаковъ пробовала отстрѣливаться отъ осаждающихъ. Грибоѣдовъ, никогда не терявшій мужества, съ саблею въ рукѣ явился впереди казаковъ, былъ узнанъ варварами и тотчасъ убитъ. Съ нимъ вмѣстѣ убито было 37 человѣкъ, посольскій домъ разграбленъ, а виновники этого варварства не были открыты. Изъ всего русскаго посольства спасся только одинъ секретарь Мальцевъ. Трупъ Грибоѣдова былъ узнанъ по сведенному отъ раны пальцу на дуэли съ Якубовичемъ. Его отправили въ Тифлисъ. Другой русскій поэтъ, Пушкинъ, встрѣтилъ эту похоронную процессію и описалъ ее въ своей поѣздкѣ въ Эрзерумъ.

Отъ жены Грибоѣдова долго скрывали смерть мужа, но наконецъ должны были передать ей эту печальную новость. Она преждевременно родила, ребенокъ не остался живъ и сама она долго была больна.

Прекрасная и молодая, напоминавшая мадонну Мурильо, по словамъ Грибоѣдова, Нина Александровна не захотѣла выходить замужъ въ другой разъ и оставалась вѣрна памяти мужа своего цѣлую долгую жизнь.

Прахъ Грибоѣдова похороненъ въ Тифлисѣ, въ монастырѣ св. Давида, расположеннаго на высокой скалѣ, откуда чудесный видъ на окрестности. Нина Александровна Грибоѣдова воздвигла надъ прахомъ своего мужа памятникъ, имѣющій видъ часовни. На памятникѣ золотыми буквами надпись, съ одной стороны:

„Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, родился 1795 года января 4 дня; убитъ въ Тегеранѣ 1829 г. января 30 дня“.

На другой сторонѣ:

„Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя“.

ГОРЕ ОТЪ УМА

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

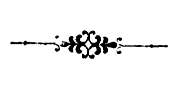
ВЪ СТИХАХЪ

А. С. Грибоѣдова

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

П. А. Ефремова

ШЕСТОЕ ИЗДАНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Павелъ Аѳанасьевичъ Фамусовъ, управляющій казеннымъ мѣстомъ.

Софья Павловна, дочь его.

Лиза, служанка.

Алексѣй Степановичъ Молчалинъ, секретарь Фамусова, живущій у него въ домѣ.

Александръ Андреевичъ Чацкій.

Полковникъ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣевичъ.

Наталья Дмитріевна, молодая дама } Горичевы.
Платонъ Михайловичъ, мужъ ея }

Князь Тугоуховскій и княгиня, жена его, съ 6-ю дочерьми.

Графиня бабушка } Хрюмины.
Графиня внучка }

Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій.

Старуха Хлестова, свояченица Фамусова.

Г. N.

Г. D.

Репетиловъ.

Петрушка и нѣсколько говорящихъ слугъ.

Множество гостей всякаго разбора и ихъ лакеевъ при разъѣздѣ.

Официанты Фамусова.

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ домѣ Фамусова.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гостиная; въ ней большіе часы; справа дверь въ спальню Софьи, откудова слышно фортепьяно съ флейтою, которыя потомъ умолкаютъ; Лиза среди комнаты спитъ, свѣсившись съ креселъ.

(Утро. Чуть день брезжется).

ЛИЗА **(вдругъ просыпается, встаетъ съ креселъ, оглядывается).**

Свѣтаетъ!.. Ахъ, какъ скоро ночь минула!
Вчера просилась спать—отказъ:
Ждемъ друга; нуженъ глазъ да глазъ!
Не спи, покудова не скатишься со стула.
Теперь вотъ только-что вздремнула—
Ужъ день!.. Сказать имъ.
(Стучится къ Софьѣ).
Господа!
Эй, Софья Павловна! бѣда!
Зашла бесѣда ваша за ночь.
Вы глухи?.. Алексѣй Степанычъ!
Сударыня!.. И страхъ ихъ не беретъ!
(Отходитъ отъ дверей).
Ну, гость неприглашенный,
Быть можетъ, батюшка войдетъ!

Прошу служить у барышни влюбленной!
(Опять къ дверямъ).
Да расходитесь.—Утро.—Что-съ?
(Голосъ Софьи).
Который часъ?

ЛИЗА.

Все въ домѣ поднялось.

СОФЬЯ (изъ своей комнаты).

Который часъ?

ЛИЗА.

Седьмой... осьмой... девятый.

СОФЬЯ (оттуда же).

Неправда.

ЛИЗА (прочь отъ дверей).

Ахъ, амуръ проклятой!
И слышатъ,—не хотятъ понять;
Ну, что-бы ставни имъ отнять!
Переведу часы; хоть, знаю, будетъ гонка;
Заставлю ихъ играть. (Лѣзетъ на стулъ, передвигаетъ стрѣлку.
Часы бьютъ и играютъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

ЛИЗА И ФАМУСОВЪ.

ЛИЗА.

Ахъ! баринъ!

ФАМУСОВЪ.

Баринъ, да!
(Останавливаетъ часовую музыку).
Вѣдь экая шалунья ты, дѣвчонка!
Не могъ придумать я, что это за бѣда—
То флейта слышится, то будто фортепьяно;
Для Софьи слишкомъ было-бъ рано...

ЛИЗА.

Нѣтъ, сударь, я... лишь невзначай...

ФАМУСОВЪ.

Вотъ то-то невзначай; за вами примѣчай.
Такъ вѣрно съ умысломъ...
(Жмется къ ней и заигрываетъ).
Охъ, зелье, баловница!

ЛИЗА.

Вы баловникъ; къ лицу-ль вамъ эти лица.

ФАМУСОВЪ.

Скромна, а ничего кромѣ
Проказъ и вѣтру на умѣ,

ЛИЗА.

Пустите, вѣтренники сами!..
Опомнитесь, вы старики...

ФАМУСОВЪ.

Почти.

ЛИЗА.

Ну, кто придетъ,—куда мы съ вами?

ФАМУСОВЪ.

Кому сюда придти?
Вѣдь Софья спитъ?

ЛИЗА.

Сейчасъ започивала.

ФАМУСОВЪ.

Сейчасъ? А ночь?

ЛИЗА.

Ночь цѣлую читала.

ФАМУСОВЪ.

Вишь, прихоти какія завелись!

ЛИЗА.

Все по-французски, вслухъ, читаетъ запершись,

ФАМУСОВЪ.

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится
И въ чтеньи прокъ-отъ не великъ;
Ей сна нѣтъ отъ французскихъ книгъ,
А мнѣ отъ русскихъ больно спится.

ЛИЗА.

Что встанетъ, доложу-съ.
Извольте же идти; разбудите, боюсь.

ФАМУСОВЪ.

Чего будить? Сама часы заводишь.
На весь кварталъ симфонію гремишь.

ЛИЗА (какъ можно громче).

Да полноте-съ!

ФАМУСОВЪ (зажимая ей ротъ).

Помилуй, какъ кричишь.
Съ ума ты сходишь!

ЛИЗА.

Боюсь, чтобы не вышло изъ того...

ФАМУСОВЪ.

Чего?

ЛИЗА.

Пора, сударь, вамъ знать, вы не ребенокъ:
У дѣвушекъ сонъ утренній такъ тонокъ,

Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь—
Все слышатъ...

ФАМУСОВЪ.

Все ты лжешь.

(Голосъ Софьи).

Эй, Лиза!

ФАМУСОВЪ.

Тсъ! (крадется вонъ изъ комнаты на цыпочкахъ).

ЛИЗА (одна).

Ушелъ... Ахъ! отъ господъ подалѣй,
У нихъ бѣды себѣ на всякій часъ готовь.
Минуй насъ пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ, и барская любовь.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛИЗА, СОФЬЯ со свѣчкою, за ней МОЛЧАЛИНЪ.

СОФЬЯ.

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь...

ЛИЗА.

Конечно, вамъ разстаться тяжело?
До свѣта запершись, а кажется все мало?

СОФЬЯ.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, разсвѣло!
(Тушитъ свѣчу).
И свѣтъ, и грусть!.. Какъ быстры ночи.

ЛИЗА.

Тужите, знай!—со стороны нѣтъ мочи:
Сюда вашъ батюшка пришелъ—я обмерла;
Вертѣлась передъ нимъ, не помню что врала...
Ну, что же стали вы? поклонъ, сударь, отвѣсьте,
Подите... сердце не на мѣстѣ...
Смотрите на часы, взгляните-ка въ окно:
Валитъ народъ по улицамъ давно;
А въ домѣ стукъ, ходьба, метутъ и убираютъ.

СОФЬЯ.

Счастливые часовъ не наблюдаютъ.

ЛИЗА.

Не наблюдайте—ваша власть;
А что въ отвѣтъ за васъ конечно мнѣ попасть.

СОФЬЯ (Молчалину).

Идите! цѣлый день еще потерпимъ скуку.

ЛИЗА.

Богъ съ вами!.. прочь возьмите руку!..
(Разводитъ ихъ. Молчалинъ въ дверяхъ сталкивается съ Фамусовымъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

СОФЬЯ, ЛИЗА, МОЛЧАЛИНЪ, ФАМУСОВЪ.

ФАМУСОВЪ.

Что за оказія! Молчалинъ, ты, братъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Я-съ.

ФАМУСОВЪ.

Зачѣмъ же здѣсь? и въ этотъ часъ?
И Софья!... Здравствуй, Софья! что ты
Такъ рано поднялась?.. а? для какой заботы?
И какъ васъ Богъ не въ пору вмѣстѣ свелъ?

СОФЬЯ.

Онъ только что теперь вошелъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Сейчасъ съ прогулки.

ФАМУСОВЪ.

Другъ! Нельзя ли для прогулокъ
Подальше выбрать закоулокъ?
А ты, сударыня, чуть изъ постели прыгъ—
Съ мужчиной! съ молодымъ! Занятье для дѣвицы!
Всю ночь читаешь небылицы,—
И вотъ плоды отъ этихъ книгъ!
А все Кузнецкій мостъ и вѣчные французы,
Откуда моды къ намъ и авторы, и музы,
Губители кармановъ и сердецъ!
Когда избавитъ насъ Творецъ
Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ и шпилекъ, и булавокъ,
И книжныхъ и бисквитныхъ лавокъ!

СОФЬЯ.

Позвольте, батюшка... кружится голова...
Я отъ испуга духъ перевожу едва.
Изволили вбѣжать вы такъ проворно—
Смѣшалась я.

ФАМУСОВЪ.

Благодарю покорно.
Я скоро къ нимъ вбѣжалъ!
Я помѣшалъ! я испугалъ!
Я, Софья Павловна, разстроенъ самъ: день цѣлый
Нѣтъ отдыха, мечусь какъ словно угорѣлый;
По должности, по службѣ хлопотня,
Тотъ пристаетъ, другой, всѣмъ дѣло до меня!
Но ждалъ ли новыхъ я хлопотъ, чтобъ былъ обманутъ?

СОФЬЯ (сквозь слезы).

Кѣмъ, батюшка?

ФАМУСОВЪ.

Вотъ попрекать мнѣ станутъ,
Что безъ толку всегда журю!
Не плачь: я дѣло говорю.
Ужъ объ твоемъ ли не радѣли
Объ воспитаньи съ колыбели!
Мать умерла—умѣлъ я принанять
Въ мадамъ Розье, вторую мать;
Старушку-золото въ надзоръ къ тебѣ приставилъ;
Умна была, нравъ тихій, рѣдкихъ правилъ.
Одно не къ чести служитъ ей:
За лишнихъ въ годъ пятьсотъ рублей

Сманить себя другими допустила.
Да не въ мадамѣ сила:
Не надобно инаго образца,
Когда въ глазахъ примѣръ отца.
Смотри ты на меня: не хвастаюсь сложеньемъ,
Однако бодръ и свѣжъ, и дожилъ до сѣдинъ;
Свободенъ, вдовъ, себѣ я господинъ...
Монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ!..

ЛИЗА.

Осмѣлюсь я, сударь....

ФАМУСОВЪ.

Молчать!
Ужасный вѣкъ! Не знаешь что начать!
Всѣ умудрились не по лѣтамъ,
А пуще дочери!... Да сами добряки—
Дались намъ эти языки!
Беремъ же побродягъ, и въ домъ, и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить, всему—
И танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ, и вздохамъ,
Какъ будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ!
Ты, посѣтитель, что? Ты здѣсь, сударь, къ чему?
Безроднаго пригрѣлъ и ввелъ въ *мое* семейство,
Далъ чинъ ассесора и взялъ въ секретари;
Въ Москву переведенъ черезъ мое содѣйство,
И будь не *я*, коптѣлъ бы ты въ Твери.

СОФЬЯ.

Я гнѣва вашего никакъ не растолкую.
Онъ въ домѣ здѣсь живетъ—великая напасть!—
Шелъ въ комнату, попалъ въ другую...

ФАМУСОВЪ.

Попалъ или хотѣлъ попасть,
Да *вмѣстѣ* вы зачѣмъ? Нельзя, чтобы случайно...

СОФЬЯ.

Вотъ въ чемъ однако случай весь:
Какъ давича вы съ Лизой были здѣсь,
Перепугалъ меня вашъ голосъ чрезвычайно,
И бросилась сюда со всѣхъ я ногъ....

ФАМУСОВЪ.

Пожалуй на меня всю суматоху сложитъ:
Не въ пору голосъ мой надѣлалъ имъ тревогъ!

СОФЬЯ.

По смутномъ снѣ бездѣлица тревожитъ.
Сказать вамъ сонъ? Поймете вы тогда...

ФАМУСОВЪ.

Что за исторія?

СОФЬЯ.

Вамъ разсказать?

ФАМУСОВЪ.

Ну, да.
(Садится).

СОФЬЯ.

Позвольте... видите-ль... сначала
Цвѣтистый лугъ, и я искала
Траву
Какую-то... не вспомню наяву.

Вдругъ милый человѣкъ—одинъ изъ тѣхъ, кого мы
Увидимъ—будто вѣкъ знакомы—
Явился тутъ со мной, и вкрадчивъ, и уменъ,
Но робокъ.... Знаете, кто въ бѣдности рожденъ...:

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, матушка, не довершай удара!
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара.

СОФЬЯ.

Потомъ пропало все: луга и небеса.
Мы въ темной комнатѣ... Для довершенья чуда,
Раскрылся полъ—и вы оттуда,
Блѣдны какъ смерть и дыбомъ волоса!
Тутъ съ громомъ распахнулись двери,
Какіе-то не люди и не звѣри
Насъ врозь—и мучили сидѣвшаго со мной...
Онъ будто мнѣ дороже всѣхъ сокровищъ!
Хочу къ нему—вы тащите съ собой!
Насъ провожаетъ стонъ, ревъ, хохотъ, свистъ чудовищъ!
Онъ вслѣдъ кричитъ!
Проснулась... кто-то говоритъ:
Вашъ голосъ былъ—что, думаю, такъ рано?
Бѣгу сюда—и васъ обоихъ нахожу.

ФАМУСОВЪ.

Да, дуренъ сонъ, какъ погляжу;
Тутъ все есть, коли нѣтъ обмана:
И черти, и любовь, и страхи, и цвѣты.
Ну, сударь мой, а ты?

МОЛЧАЛИНЪ.

Я слышалъ голосъ вашъ...

ФАМУСОВЪ.

Забавно!
Дался имъ голосъ мой! и какъ себѣ исправно
Всѣмъ слышится и всѣхъ сзываетъ до зари!
На голосъ мой спѣшилъ, за чѣмъ же? Говори.

МОЛЧАЛИНЪ.

Съ бумагами-съ.

ФАМУСОВЪ.

Да! ихъ недоставало!
Помилуйте, что это вдругъ припало
Усердье къ письменнымъ дѣламъ?
(Встаетъ).
Ну, Софьюшка, тебѣ покой я дамъ;
Бываютъ странны сны, а на яву страннѣе:
Искала ты себѣ травы,
На друга набрела скорѣе;
Повыкинь вздоръ изъ головы:
Гдѣ чудеса, тамъ мало складу.
Поди-ка, лягъ, усни опять.
(Молчалину).
Идемъ бумаги разбирать.

МОЛЧАЛИНЪ.

Я только несъ ихъ для докладу,
Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ; а въ иныхъ
Противорѣчья есть, и многое не дѣльно.

ФАМУСОВЪ.

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтобъ множество не накопилось ихъ;
Дай волю вамъ—оно бы и засѣло;
А у меня, что дѣло, что не дѣло,
Обычай мой такой:
Подписано, такъ съ плечъ долой.
(Уходитъ съ Молчалинымъ; въ дверяхъ пропускаетъ его впередъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

СОФЬЯ, ЛИЗА.

ЛИЗА.

Ну, вотъ у праздника! ну, вотъ вамъ и потѣха!
Однако нѣтъ, теперь ужъ не до смѣха:
Въ глазахъ темно и замерла душа;
Грѣхъ не бѣда, молва нехороша.

СОФЬЯ.

Что мнѣ молва? Кто хочетъ, такъ и судитъ,
Да батюшка задуматься принудитъ:
Брюзгливъ, неугомоненъ, скоръ,
Таковъ всегда, а съ этихъ поръ...
Ты можешь посудить...

ЛИЗА.

Сужу-съ не по разсказамъ.
Запретъ онъ васъ,—добро еще со мной;
А то, помилуй Богъ, какъ разомъ
Меня, Молчалина и всѣхъ съ двора долой.

СОФЬЯ.

Подумаешь, какъ счастье своенравно!
Бываетъ хуже—съ рукъ сойдетъ;
Когда жъ печальное ничто на умъ нейдетъ:
Забылись музыкой, и время шло такъ плавно,
Судьба насъ будто берегла;
Ни безпокойства, ни сомнѣнья...
А горе ждетъ изъ-за угла!

ЛИЗА.

Вотъ то-то-съ, моего вы глупаго сужденья
Не жалуете никогда;
Анъ вотъ бѣда!
На что вамъ лучшаго пророка?
Твердила я: въ любви не будетъ этой прока
Ни вѳ вѣки вѣковъ.
Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка таковъ:
Желалъ бы зятя онъ съ звѣздами да съ чинами,
А при звѣздахъ не всѣ богаты, между нами;
Ну, разумѣется, къ тому бъ
И деньги, чтобъ пожить, чтобъ могъ давать онъ балы;
Вотъ, напримѣръ, полковникъ Скалозубъ—
И золотой мѣшокъ, и мѣтитъ въ генералы.

СОФЬЯ.

Куда какъ милъ! и весело мнѣ страхъ
Выслушивать о фронтѣ, о рядахъ!
Онъ слова умнаго не выговорилъ съ роду.
Мнѣ все равно, что за него, что въ воду!

ЛИЗА.

Да-съ, такъ сказать, рѣчистъ, а больно не хитеръ.
Но будь военный, будь онъ статскій,
Кто такъ чувствителенъ и веселъ, и остеръ,
Какъ Александръ Андреичъ Чацкій!
Не для того, чтобъ васъ смутить—
Давно прошло, не воротить—
А помнится...

СОФЬЯ.

Что помнится? Онъ славно
Пересмѣять умѣетъ всѣхъ,
Болтаетъ, шутитъ—мнѣ забавно:
Дѣлить со всякимъ можно смѣхъ.

ЛИЗА.

И только, будто бы? Слезами обливался,
Я помню, бѣдный онъ, какъ съ вами разставался.
Что, сударь, плачете? живите-ка смѣясь.
А онъ въ отвѣтъ: „Не даромъ, Лиза, плачу:
„Кому извѣстно, что найду я воротясь,
„И сколько можетъ быть утрачу!“
Бѣдняжка, будто зналъ, что года черезъ три...

СОФЬЯ.

Послушай, вольности ты лишней не бери:
Я очень вѣтренно, быть можетъ, поступила.
И знаю, и винюсь; но гдѣ же измѣнила?
Кому?—чтобъ укорять невѣрностью могли.
Да, съ Чацкимъ, правда, мы воспитаны, росли,
Привычка вмѣстѣ быть день каждый неразлучно

Связала дѣтскою насъ дружбой; но потомъ
Онъ съѣхалъ; ужъ у насъ ему казалось скучно,
И рѣдко посѣщалъ нашъ домъ;
Потомъ опять прикинулся влюбленнымъ,
Взыскательнымъ и огорченнымъ...
Остеръ, уменъ, краснорѣчивъ.
Въ друзьяхъ особенно счастливъ—
Вотъ объ себѣ задумалъ онъ высоко.
Охота странствовать напала на него...
Ахъ, если любитъ кто кого,
Зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко?

ЛИЗА.

Гдѣ носится? въ какихъ краяхъ?
Лечился, говорятъ, на кислыхъ онъ водахъ,
Не отъ болѣзни, чай,—отъ скуки; то—вѣрнѣе!

СОФЬЯ.

И вѣрно счастливъ тамъ, гдѣ люди посмѣшнѣе.
Кого люблю я—не таковъ:
Молчалинъ за другихъ себя забыть готовъ,
Врагъ дерзости, всегда застѣнчиво, несмѣло...
Ночь цѣлую съ кѣмъ можно такъ провесть?
Сидимъ, а на дворѣ давно ужъ побѣлѣло.
Какъ думаешь, чѣмъ заняты?

ЛИЗА.

Богъ вѣсть,
Сударыня! мое ли это дѣло?

СОФЬЯ.

Возьметъ онъ руку, къ сердцу жметъ,
Изъ глубины души вздохнетъ,
Ни слова вольнаго—и такъ вся ночь проходитъ,
Рука съ рукой, и глазъ съ меня не сводитъ.
Смѣешься? Можно ли! чѣмъ поводъ подала
Тебѣ я къ хохоту такому?

ЛИЗА.

Мнѣ-съ... ваша тетушка на умъ теперь пришла,
Какъ молодой французъ сбѣжалъ у ней изъ дому.
Голубушка! хотѣла схоронить
Свою досаду—не съумѣла:
Забыла волосы чернить,
И черезъ три дни посѣдѣла.
(Продолжаетъ хохотать).

СОФЬЯ (съ огорченіемъ).

Вотъ также обо мнѣ потомъ заговорятъ.

ЛИЗА.

Простите: право, какъ Богъ святъ,
Хотѣла я, чтобъ этотъ смѣхъ дурацкій
Васъ нѣсколько развеселить помогъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

СОФЬЯ, ЛИЗА, СЛУГА, за нимъ ЧАЦКІЙ.

СЛУГА.

Къ вамъ Александръ Андреичъ Чацкій.

ЯВЛЕНІЕ VII.

СОФЬЯ, ЛИЗА, ЧАЦКІЙ.

ЧАЦКІЙ.

Чуть свѣтъ—ужъ на ногахъ, и я у вашихъ ногъ!
(Съ жаромъ цѣлуетъ ея руку).
Ну поцѣлуйте же! Не ждали? Говорите!
Что жъ, рады? Нѣтъ? Въ лицо мнѣ посмотрите.
Удивлены? И только? Вотъ пріемъ!
Какъ будто не прошло недѣли,
Какъ будто бы вчера вдвоемъ
Мы мочи нѣтъ другъ другу надоѣли.
Ни на волосъ любви! куда какъ хороши!
А между тѣмъ, не вспомнясь, безъ души,
Я сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря,
Верстъ больше семисотъ пронесся!.. вѣтеръ, буря...
И растерялся весь, и падалъ сколько разъ—
И вотъ за подвиги награда!

СОФЬЯ.

Ахъ, Чацкій, я вамъ очень рада.

ЧАЦКІЙ.

Вы рады? Въ добрый часъ!
Однако искренно кто жъ радуется эдакъ?
Мнѣ кажется, что напослѣдокъ,
Людей и лошадей знобя,
Я только тѣшилъ самъ себя!

ЛИЗА.

Вотъ, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-Богу, нѣтъ пяти минутъ,
Какъ поминали васъ мы тутъ.
Сударыня, скажите сами.

СОФЬЯ.

Всегда, не только что теперь;
Не можете мнѣ сдѣлать вы упрека;
Кто промелькнетъ, отворитъ дверь,
Проѣздомъ, случаемъ, изъ чужа, издалека—
Съ вопросомъ я, хоть будь морякъ:
Не повстрѣчалъ ли гдѣ въ почтовой васъ каретѣ?

ЧАЦКІЙ.

Положимте, что такъ!
Блаженъ кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ!
Ахъ, Боже мой! ужель я здѣсь опять!
Въ Москвѣ! у васъ! да какъ же васъ узнать!
Гдѣ время то? гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда, бывало, въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ тутъ и тамъ,
Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ?..
А тутъ вашъ батюшка съ мадамой, за пикетомъ;
Мы въ темномъ уголкѣ, и кажется что въ этомъ...
Вы помните? вздрогнемъ, чуть скрипнетъ столикъ, дверь...

СОФЬЯ.

Ребячество!

ЧАЦКІЙ.

Да-съ, а теперь,
Въ семнадцать лѣтъ вы разцвѣли прелестно,
Неподражаемо, и это вамъ извѣстно—
И потому скромны; не смотрите на свѣтъ.
Не влюблены ли вы? прошу мнѣ дать отвѣтъ,
Безъ думы; полноте смущаться.

СОФЬЯ.

Да хоть кого смутятъ
Вопросы быстрые и любопытный взглядъ...

ЧАЦКІЙ.

Помилуйте! не вамъ; чему же удивляться?
Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два.
Тотъ сватался—успѣлъ, а тотъ далъ промахъ.
Все тотъ же толкъ и тѣ жъ стихи въ альбомахъ

СОФЬЯ.

Гоненье на Москву! что значитъ видѣть свѣтъ!
Гдѣ жъ лучше?

ЧАЦКІЙ.

Гдѣ насъ нѣтъ.
Ну, что вашъ батюшка? все Англійскаго клоба
Старинный, вѣрный членъ до гроба?
Вашъ дядюшка отпрыгалъ ли свой вѣкъ?
А этотъ... какъ его... онъ турокъ или грекъ?
Тотъ черномазенькій, на ножкахъ журавлиныхъ,

Не знаю, какъ его зовутъ,
Куда ни сунься: тутъ какъ тутъ,
Въ столовыхъ и въ гостиныхъ?..
А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которые съ полвѣка молодятся?
Родныхъ мильонъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко, нашъ кладъ?
На лбу написано: театръ и маскарадъ;
Домъ зеленью расписанъ въ видѣ рощи,
Самъ толстъ, его артисты тощи...
На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ
За ширмами, въ одной изъ комнатъ посекретнѣй,
Былъ спрятанъ человѣкъ и щелкалъ соловьемъ—
Пѣвецъ зимой погоды лѣтней.
А тотъ, чахоточный, родня вамъ, книгамъ врагъ,
Въ ученый комитетъ который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился?..
Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой!
Жить съ ними надоѣстъ, и въ комъ не сыщешь пятенъ?
Когда жъ постранствуешь, воротишься домой,
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

СОФЬЯ.

Вотъ васъ бы съ тетушкою свесть,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть.

ЧАЦКІЙ.

А тетушка? Все дѣвушкой, Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?

Ахъ! къ воспитанью перейдемъ:
Что нынче, также какъ издревле,
Хлопочутъ набирать учителей полки,
Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?
Не то, чтобы въ наукѣ далеки:
Въ Россіи, подъ великимъ штрафомъ,
Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ!
Нашъ менторъ—помните, колпакъ его, халатъ,
Перстъ указательный, всѣ признаки ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы!..
Какъ съ раннихъ поръ привыкли видѣть мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья!
А Гильоме французъ, подбитый вѣтеркомъ—
Онъ не женатъ еще?

СОФЬЯ.

На комъ?

ЧАЦКІЙ.

Хоть на какой нибудь княгинѣ,
Пульхеріи Андревнѣ, напримѣръ?

СОФЬЯ.

Танцмейстеръ! можно ли?

ЧАЦКІЙ.

Что жъ? онъ и кавалеръ.
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ,
А Гильоме... Здѣсь нынче тонъ каковъ?

На съѣздахъ, на большихъ, по праздникамъ приходскимъ
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ
Французскаго съ нижегородскимъ?

СОФЬЯ.

Смѣсь языковъ?

ЧАЦКІЙ.

Да, двухъ,—безъ этого нельзя-жъ.

ЛИЗА.

Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить, какъ вашъ.

ЧАЦКІЙ.

По крайней мѣрѣ не надутой.
Вотъ новости! я пользуюсь минутой,
Свиданьемъ съ вами оживленъ,
И говорливъ, а развѣ нѣтъ временъ,
Что я Молчалина глупѣе? Гдѣ онъ, кстати?
Еще ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало, пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь
Увидитъ—пристаетъ: пожалуйте списать.
А впрочемъ, онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ—
Вѣдь нынче любятъ *безсловесныхъ*.

СОФЬЯ (въ сторону).

Не человѣкъ, змѣя!

(Громко и принужденно).

Хочу у васъ спросить:
Случалось ли, чтобъ вы, смѣясь, или въ печали,
Ошибкою, добро о комъ нибудь сказали?
Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, можетъ быть?

ЧАЦКІЙ.

Когда все мягко такъ и нѣжно, и незрѣло?
На что же такъ давно? вотъ доброе вамъ дѣло:
Звонками только что гремя,
И день и ночь по снѣговой пустынѣ
Спѣшу къ вамъ, голову сломя,
И какъ васъ нахожу? въ какомъ-то строгомъ чинѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю!
Лицо святѣйшей богомолки!..
И все-таки я васъ безъ памяти люблю.
(Минутное молчаніе).
Послушайте, ужель слова мои всѣ колки
И клонятся къ чьему нибудь вреду?
Но если такъ,—умъ съ сердцемъ не въ ладу
Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду;
Велите жъ мнѣ въ огонь—пойду какъ на обѣдъ.

СОФЬЯ.

Да, хорошо сгорите, если жъ нѣтъ?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СОФЬЯ, ЛИЗА, ЧАЦКІЙ, ФАМУСОВЪ.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ и другой!

СОФЬЯ.

Ахъ, батюшка, сонъ въ руку!
(Уходитъ).

ФАМУСОВЪ (ей вслѣдъ въ полголоса).

Проклятый сонъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

ФАМУСОВЪ, ЧАЦКІЙ (смотритъ на дверь, въ которую Софья вышла).

ФАМУСОВЪ.

Ну, выкинулъ ты штуку!
Три года не писалъ двухъ словъ,
И грянулъ вдругъ какъ съ облаковъ!
(Обнимаются).
Здорово, другъ! здорово, братъ, здорово!
Разсказывай, чай у тебя готово
Собранье важное вѣстей?
Садись-ка, объяви скорѣй!
(Садятся).

ЧАЦКІЙ (разсѣянно).

Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!

ФАМУСОВЪ.

Вамъ людямъ молодымъ другаго нѣту дѣла,
Какъ замѣчать дѣвичьи красоты.
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдованъ...

ЧАЦКІЙ.

Ахъ, нѣтъ! надеждами я мало избалованъ.

ФАМУСОВЪ.

„Сонъ въ руку“—мнѣ она изволила шепнуть,—
Вотъ ты задумалъ...

ЧАЦКІЙ.

Я? ничуть!

ФАМУСОВЪ.

О комъ ей снилось? что такое?

ЧАЦКІЙ.

Я не отгадчикъ сновъ.

ФАМУСОВЪ.

Не вѣрь ей—все пустое.

ЧАЦКІЙ.

Я вѣрю собственнымъ глазамъ;
Вѣкъ не встрѣчалъ—подписку дамъ—
Что бъ было ей хоть нѣсколько подобно!

ФАМУСОВЪ.

Онъ все свое. Да разскажи подробно,
Гдѣ былъ, скитался столько лѣтъ?
Откудова теперь?

ЧАЦКІЙ.

Теперь мнѣ до того ли!
Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ,
И не объѣхалъ сотой доли.
(Встаетъ поспѣшно)

Простите! я спѣшилъ скорѣе видѣть васъ,
Не заѣзжалъ домой. Прощайте! черезъ часъ
Явлюсь, подробности малѣйшей не забуду;
Вамъ первымъ, вы потомъ разсказывайте всюду.
(Въ дверяхъ)

Какъ хороша!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

ФАМУСОВЪ.

Который же изъ двухъ?
„Ахъ, батюшка, сонъ-въ руку!"
И говоритъ мнѣ это вслухъ!
Ну, виноватъ! Какого жъ далъ я крюку!
Молчалинъ давича въ сомнѣнье ввелъ меня.
Теперь... да въ полмя изъ огня:
Тотъ нищій, этотъ франтъ-пріятель
Отъявленъ мотомъ, сорванцомъ...
Что за коммисія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ!
(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

ФАМУСОВЪ И СЛУГА.

ФАМУСОВЪ.

Петрушка! вѣчно ты съ обновкой,—
Съ разодраннымъ локтемъ! Достань-ка календарь.
Читай, не такъ какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.
Постой же. На листѣ черкни на записномъ,
Противу будущей недѣли:
Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ
Во вторникъ званъ я на форели.
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй—умъ вскружится!
То бережешься, то обѣдъ;
Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится.
Отмѣть-ка: въ тотъ же день... Нѣтъ, нѣтъ...
Въ четвергъ я званъ на погребенье.
Охъ, родъ людской! пришло въ забвенье,
Что всякій самъ туда же долженъ лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть.

Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьемъ похвальнымъ—вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный камергеръ,
Съ ключемъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить;
Богатъ, и на богатой былъ женатъ;
Переженилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался—всѣ о немъ прискорбно поминаютъ;
Кузьма Петровичъ! миръ ему!
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!
Пиши въ четвергъ, одно ужъ къ одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу;
Я долженъ у вдовы, у докторши крестить.
Она не родила, но по разсчету,
По моему, должна родить.

ЯВЛЕНІЕ II.

ФАМУСОВЪ, СЛУГА, ЧАЦКІЙ.

ФАМУСОВЪ.

А! Александръ Андреичъ, просимъ,
Садитесь-ка.

ЧАЦКІЙ.

Вы заняты?

ФАМУСОВЪ (слугѣ).

Поди.
(Слуга уходитъ).
Да! разныя дѣла на память въ книгу вносимъ;
Забудется, того гляди.

ЧАЦКІЙ.

Вы что-то невеселы стали;
Скажите, отчего? Пріѣздъ не въ пору мой?
Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, батюшка! нашелъ загадку,
Не веселъ я!.. Въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку!

ЧАЦКІЙ.

Никто не приглашаетъ васъ;
Я только что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ; быть можетъ нездорова?

ФАМУСОВЪ.

Тьфу, Господи прости! пять тысячъ разъ
Твердитъ одно и то же!
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
То Софья Павловна больна!
Скажи, тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ,—не хочешь ли жениться?

ЧАЦКІЙ.

А вамъ на что?

ФАМУСОВЪ.

Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь я ей нѣсколько сродни,—

По крайней мѣрѣ искони
Отцомъ не даромъ называли.

ЧАЦКІЙ.

Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?

ФАМУСОВЪ.

Сказалъ бы я, во первыхъ: не блажи,
Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно,
А главное—поди-ка послужи.

ЧАЦКІЙ.

Служить бы радъ—прислуживаться тошно!

ФАМУСОВЪ.

Вотъ то-то всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы?
Учились бы, на старшихъ глядя;
Мы, напримѣръ, или покойникъ дядя
Максимъ Петровичъ: онъ не то на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ;
Вѣкъ при дворѣ, да при какомъ дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ,—
При государынѣ служилъ Екатеринѣ.
А въ тѣ поры всѣ важны! въ сорокъ пудъ!..
Раскланяйся—тупеемъ не кивнутъ.
Вельможа въ случаѣ, тѣмъ паче,
Не какъ другой, и пилъ и ѣлъ иначе.
А дядя! что твой князь? что графъ?
Серьезный взглядъ, надменный нравъ.

Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ:
На куртагѣ ему случилось оступиться;
Упалъ, да такъ, что чуть затылка не прошибъ.
Старикъ заохалъ; голосъ хрипкой.
Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой;
Изволили смѣяться. Какъ же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ—
Упалъ въ другорядь—ужъ нарочно!
А хохотъ пуще. Онъ и въ третій также точно.
А? какъ по вашему?.. По нашему, смышленъ:
Упалъ онъ больно—всталъ здорово.
Зато, бывало, въ вистъ кто чаще приглашенъ?
Кто слышитъ при дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка!
Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ! Да! Вы, нынѣшніе, нутка!

ЧАЦКІЙ.

И точно началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій:—
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея;
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ—
Стучали объ полъ не жалѣя!
Кому нужда—тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли,
А тѣмъ, кто выше, лесть какъ кружево плели.
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха,

Все подъ личиною, усердія къ царю.
Я не объ дядюшкѣ объ вашемъ говорю;
Его не возмутимъ мы праха;
Но между тѣмъ, кого охота заберетъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?
А сверстничекъ, а старичекъ
Иной, глядя на тотъ скачекъ,
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай приговаривалъ: ахъ, если бы мнѣ тоже!
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ.
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи.

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, Боже мой! онъ карбонарій!

ЧАЦКІЙ.

Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не таковъ.

ФАМУСОВЪ.

Опасный человѣкъ!

ЧАЦКІЙ.

Вольнѣе всякій дышетъ,
И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ.

ФАМУСОВЪ.

Что говоритъ! и говоритъ, какъ пишетъ!

ЧАЦКІЙ.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ...

ФАМУСОВЪ.

Онъ вольность хочетъ проповѣдать!

ЧАЦКІЙ.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ...

ФАМУСОВЪ.

Да онъ властей не признаетъ!

ЧАЦКІЙ.

Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...

ФАМУСОВЪ.

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!

ЧАЦКІЙ.

Я наконецъ вамъ отдыхъ дамъ...

ФАМУСОВЪ.

Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!

ЧАЦКІЙ.

Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно,—
Предоставляю вамъ во власть:

Откиньте часть
Хоть нашимъ временамъ въ придачу,—
Ужъ такъ и быть, я не поплачу.

ФАМУСОВЪ.

И знать васъ не хочу, разврата не терплю.

ЧАЦКІЙ.

Я досказалъ.

ФАМУСОВЪ.

Добро, заткнулъ я уши.

ЧАЦКІЙ.

На что жъ? Я ихъ не оскарблю.

ФАМУСОВЪ (скороговоркой).

Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши,
Воротятся—отъ нихъ порядка жди!...

ЧАЦКІЙ.

Я пересталъ...

ФАМУСОВЪ.

Пожалуй, пощади!

ЧАЦКІЙ.

Длить споры не мое желанье!

ФАМУСОВЪ.

Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНІЕ III.

СЛУГА (входитъ).

Полковникъ Скалозубъ.

ФАМУСОВЪ (ничего не видитъ и не слышитъ).

Тебя ужъ упекутъ
Подъ судъ—какъ пить дадутъ.

ЧАЦКІЙ.

Пожаловалъ къ вамъ кто-то на домъ.

ФАМУСОВЪ.

Не слушаю—подъ судъ!

ЧАЦКІЙ.

Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ

ФАМУСОВЪ.

Не слушаю—подъ судъ! подъ судъ!

ЧАЦКІЙ.

Да обернитесь—васъ зовутъ.

ФАМУСОВЪ (оборачивается).

А? бунтъ? Ну, такъ и жду содома!

СЛУГА.

Полковникъ Скалозубъ. Прикажете принять?

ФАМУСОВЪ (встаетъ).

Ослы! сто разъ вамъ повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать что дома,
Что очень радъ. Пошелъ же, торопись.
(Слуга уходитъ).
Пожалуста, сударь, при немъ остерегись:
Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тьму отличья нахваталъ!
Не по лѣтамъ, и чинъ завидный—
Не нынче, завтра—генералъ!
Пожалуста, при немъ веди себя скромненько.
Эхъ, Александръ Андреичъ! дурно, братъ!
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько;
Я всякому, ты знаешь, радъ.
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:
Вотъ будто женится на Сонюшкѣ. Пустое!
Онъ, можетъ быть, и радъ бы былъ душой,
Да надобности самъ не вижу я большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня;
Вѣдь Софья молода. А впрочемъ, власть Господня.
Пожалуста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральныя идеи эти брось.
Однако нѣтъ его! какую бы причину...
А! знать ко мнѣ пошелъ въ другую половину.
(Поспѣшно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЧАЦКІЙ.

Какъ суетится! что за прыть!
А Софья? Нѣтъ ли впрямь тутъ жениха какого?

Съ которыхъ поръ меня дичится какъ чужого!
Какъ здѣсь бы ей не быть?
Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ сильно бредитъ.
А можетъ быть не только что отецъ...
Ахъ! тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года въ даль уѣдетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ЧАЦКІЙ, ФАМУСОВЪ, СКАЛОЗУБЪ.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ сюда-съ,
Прошу покорно, здѣсь теплѣе;
Прозябли вы—согрѣемъ васъ;
Отдушничекъ откроемъ поскорѣе.

СКАЛОЗУБЪ (густымъ басомъ).

Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ!.. Мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ.

ФАМУСОВЪ.

Неужто для друзей не сдѣлать мнѣ ни шагу?
Сергѣй Сергѣичъ дорогой!
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу;
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой.

СКАЛОЗУБЪ.

Куда прикажете, лишь только бы усѣсться.
(Садятся всѣ трое; Чацкій поодаль).

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, батюшка! сказать, чтобъ не забыть:
Позвольте намъ своими счесться.
Хоть дальними—наслѣдства не дѣлить.
Не знали вы,—а я подавно;
Спасибо, научилъ двоюродный нашъ братъ,—
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

СКАЛОЗУБЪ.

Не знаю-съ, виноватъ;
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, это вы ли?
Нѣтъ! я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки;
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то затѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку иль къ мѣ-
стечку,
Ну, какъ не порадѣть родному человѣку!..
Однако братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.

СКАЛОЗУБЪ.

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.

ФАМУСОВЪ.

Да! счастье у кого есть эдакой сынокъ;
Имѣетъ кажется въ петличкѣ орденокъ?

СКАЛОЗУБЪ.

За третье августа; засѣли мы въ траншею;
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на шею.

ФАМУСОВЪ.

Любезный человѣкъ, и посмотрѣть такъ хватъ;
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ.

СКАЛОЗУБЪ.

Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ:
Чинъ слѣдовалъ ему—онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ молодость!.. читать!.. а послѣ хватъ!..
Вы повели себя исправно;
Давно полковники, а служите недавно.

СКАЛОЗУБЪ.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ—
Вакансіи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

ФАМУСОВЪ.

Да, чѣмъ кого Господь поищетъ, вознесетъ!

СКАЛОЗУБЪ.

Бываетъ, моего счастливѣе везетъ.
У насъ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
Объ нашемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ.

ФАМУСОВЪ.

Помилуйте, а вамъ чего не достаетъ?

СКАЛОЗУБЪ.

Не жалуюсь, не обходили;
Однако за полкомъ два года поводили.

ФАМУСОВЪ.

Въ погонь-ли за полкомъ?
Зато, конечно, въ чемъ другомъ—
За вами далеко тянуться.

СКАЛОЗУБЪ.

Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ девятаго служу.
Да, чтобъ чины добыть есть многіе каналы,
Объ нихъ какъ истинный философъ я сужу—
Мнѣ только бы досталось въ генералы.

ФАМУСОВЪ.

И славно судите, дай Богъ здоровье вамъ
И генеральскій чинъ; а тамъ—
Зачѣмъ откладывать бы дальше—
Рѣчь завести объ генеральшѣ?

СКАЛОЗУБЪ.

Жениться? Я ничуть не прочь.

ФАМУСОВЪ.

Что жъ? у кого сестра, племянница есть, дочь...
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода;
Чего? плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется столица, какъ Москва.

СКАЛОЗУБЪ.

Дистанція огромнаго размѣра.

ФАМУСОВЪ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера,
На все свои законы есть:
Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ изстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенькій, да если наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.
Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,
Пускай себѣ разумникомъ слыви,
А въ семью не включать, на насъ не подиви.
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ.
Да это ли одно?.. Возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать—изволь;
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ;
Особенно изъ иностранныхъ;
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ—

Для насъ ровнехонько: про всѣхъ готовъ обѣдъ,
Возьмите вы, отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь,
На юношей сынковъ и внучатъ.
Журимъ мы ихъ; а если разберешь,
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ: что слово—приговоръ!
Вѣдь столбовые все; въ усъ никому не дуютъ;
И объ правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что если бъ кто подслушалъ ихъ... бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили—никогда,
Спаси насъ Боже!.. Нѣтъ... А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ—и... разойдутся.
Прямые канцлеры въ отставкѣ—по уму!
Я вамъ скажу, знать время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло.
А дамы?—сунься кто, попробуй, овладѣй;
Судьи всему вездѣ, надъ ними нѣтъ судей;
За картами когда возстанутъ общимъ бунтомъ—
Дай Богъ терпѣніе! вѣдь самъ я былъ женатъ.
Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
А дочекъ кто видалъ, всякъ голову повѣсь!
Его величество король былъ прусскій здѣсь:
Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ—
Ихъ благонравью, а не лицамъ.
И точно, можно ли воспитаннѣе быть!

Умѣютъ же себя принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой,
Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой;
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому что—патріотки.
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва.

СКАЛОЗУБЪ.

По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.

ФАМУСОВЪ.

Не поминайте намъ, ужъ мало ли крехтятъ!
Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома и все на новый ладъ.

ЧАЦКІЙ.

Дома новы, но предразсудки стары.
Порадуйтесь, не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

ФАМУСОВЪ (Чацкому).

Эй, завяжи на память узелокъ;
Просилъ я помолчать—не велика услуга.
(Скалозубу)
Позвольте, батюшка, вотъ-съ, Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго сынокъ;
Не служитъ, то-есть въ томъ онъ пользы не находитъ;
Но захоти, такъ былъ бы дѣловой.

Жаль, очень жаль, онъ малый съ головой;
И славно пишетъ, переводитъ.
Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ...

ЧАЦКІЙ.

Нельзя ли пожалѣть о комъ нибудь другомъ?
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ.

ФАМУСОВЪ.

Не я одинъ—всѣ также осуждаютъ.

ЧАЦКІЙ.

А судьи кто?. За древностію лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима!
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма;
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и ту же,
Не замѣчая о себѣ:
Что старѣе, то хуже.
Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ
И гдѣ не воскресятъ кліенты иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты!
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?
Не тотъ ли, вы къ кому меня еще съ пеленъ,

Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитей возили на поклонъ?
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ;
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И жизнь и честь его не разъ спасали; вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки!
Или вонъ тотъ еще, который для затѣй
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцевъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ погруженъ умомъ въ Зефирахъ и въ Амурахъ,
Заставилъ всю Москву дивиться ихъ красѣ;
Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ:
Амуры и Зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь пускай изъ насъ одинъ
Изъ молодыхъ людей найдется врагъ исканій,
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній;
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,—
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!
И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ!
Мундиръ! одинъ мундиръ! онъ въ прежнемъ ихъ быту
Когда-то укрывалъ, расшитый и красивый,
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету;
И намъ за ними въ путь счастливый!
И въ женахъ, дочеряхъ къ мундиру та же страсть!
Я самъ къ нему давноль отъ нѣжности отрекся?

Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть;
Но кто бъ тогда за всѣми не повлекся?
Когда изъ гвардіи, иные отъ двора,
Сюда на время пріѣзжали,
Кричали женщины: ура!
И въ воздухъ чепчики бросали!

ФАМУСОВЪ (про себя).

Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду.
(Громко).
Сергѣй Сергѣичъ, я пойду,
И буду ждать васъ въ кабинетѣ.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

СКАЛОЗУБЪ, ЧАЦКІЙ.

СКАЛОЗУБЪ.

Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ,
Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы
Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейцамъ, къ гвардіонцамъ;
Ихъ золоту, шитью дивятся будто солнцамъ!
А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?
Все такъ прилажено и тальи всѣ такъ узки,
И офицеровъ вамъ начтемъ,
Что даже говорятъ иные по-французски.

ЯВЛЕНІЕ VII.

СКАЛОЗУБЪ, ЧАЦКІЙ, СОФЬЯ, ЛИЗА.

СОФЬЯ (бѣжитъ къ окну).

Ахъ, Боже мой! упалъ! убился!..

ЧАЦКІЙ.

Кто?

Кто это?

СКАЛОЗУБЪ.

Съ кѣмъ бѣда?

ЧАЦКІЙ.

Она мертва со страху.

СКАЛОЗУБЪ.

Да кто? откудова?

ЧАЦКІЙ.

Ушибся обо что?

СКАЛОЗУБЪ.

Ужъ не старикъ ли нашъ далъ маху?

ЛИЗА (хлопочетъ около барышни).

Кому назначено-съ—не миновать судьбы!
Молчалинъ на лошадь садился: ногу въ стремя,
А лошадь на дыбы—
Онъ объ землю—и прямо въ темя.

СКАЛОЗУБЪ.

Поводья затянулъ; ну, жалкій же ѣздокъ!
Взглянуть, какъ треснулся онъ—грудью или въ бокъ.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ, безъ СКАЛОЗУБА.

ЧАЦКІЙ.

Помочь ей чѣмъ? Скажи скорѣе.

ЛИЗА.

Тамъ въ комнатѣ вода стоитъ.

Чацкій бѣжитъ и приноситъ. Все слѣдующее въ полголоса до того, какъ Софья очнется).

ЛИЗА.

Стаканъ налейте.

ЧАЦКІЙ.

Ужъ налитъ.
Шнуровку отпусти вольнѣе,
Виски ей уксусомъ потри,
Опрыскивай водой. Смотри:
Свободнѣе дыханье стало...
Повѣять чѣмъ?

ЛИЗА.

Вотъ опахало.

ЧАЦКІЙ.

Гляди въ окно—
Молчалинъ на ногахъ давно!
Бездѣлица ее тревожитъ.

ЛИЗА.

Да-съ, барышнинъ несчастенъ нравъ:
Со стороны смотрѣть не можетъ,
Какъ люди падаютъ стремглавъ.

ЧАЦКІЙ.

Опрыскивай еще водою.
Вотъ такъ... Еще... Еще.

СОФЬЯ (съ глубокимъ вздохомъ).

Кто здѣсь со мною?
Я точно какъ во снѣ?
(Торопко и громко).
Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Скажите мнѣ.

ЧАЦКІЙ.

Пускай себѣ сломилъ бы шею,—
Васъ чуть было не уморилъ.

СОФЬЯ.

Убійственны холодностью своею!
Смотрѣть на васъ, васъ слушать нѣту силъ.

ЧАЦКІЙ.

Прикажете мнѣ за него терзаться?

СОФЬЯ.

Туда бѣжать, тамъ быть, помочь ему стараться!..

ЧАЦКІЙ.

Чтобъ оставались вы безъ помощи однѣ?

СОФЬЯ.

На что вы мнѣ?
Да правда: не свои бѣды для васъ забавы.
Отецъ родной убейся—все равно.
(Лизѣ).
Пойдемъ туда, бѣжимъ...

ЛИЗА (отводитъ ее въ сторону).

Опомнитесь! куда вы?
Онъ живъ, здоровъ; смотрите здѣсь въ окно.
(Софья высовывается въ окошко).

ЧАЦКІЙ.

Смятенье! обморокъ! поспѣшность! гнѣвъ испуга!..
Такъ можно только ощущать,
Когда лишаешься единственнаго друга.

СОФЬЯ.

Сюда идутъ. Руки не можетъ онъ поднять!..

ЧАЦКІЙ.

Желалъ бы съ нимъ убиться...

ЛИЗА.

Для компаньи?

СОФЬЯ.

Нѣтъ, оставайтесь при желаньи.

ЯВЛЕНІЕ IX.

СОФЬЯ, ЛИЗА, ЧАЦКІЙ, СКАЛОЗУБЪ, МОЛЧАЛИНЪ (съ подвязанной рукой).

СКАЛОЗУБЪ.

Воскресъ и невредимъ! рука
Ушибена слегка;
А впрочемъ все фальшивая тревога.

МОЛЧАЛИНЪ.

Я васъ перепугалъ; простите, ради Бога.

СКАЛОЗУБЪ.

Ну! я не зналъ, что будетъ изъ того
Вамъ ирритація—опрометью вбѣжали,
Мы вздрогнули, вы въ обморокъ упали—
И что жъ?—весь страхъ изъ ничего.

СОФЬЯ (не глядя ни на кого).

Ахъ! очень вижу, изъ пустова,
А все еще теперь дрожу.

ЧАЦКІЙ (про себя).

Съ Молчалинымъ ни слова

СОФЬЯ (по прежнему).

Однако о себѣ скажу,
Что не труслива. Такъ бываетъ:
Карета свалится, поднимутъ—я опять
Готова съизнова скакать;
Но все малѣйшее въ другихъ меня пугаетъ,
Хоть нѣтъ великаго несчастья отъ того,
Хоть незнакомый мнѣ—до этого нѣтъ дѣла.

ЧАЦКІЙ (про себя).

Прощенья проситъ у него,
Что разъ о комъ-то пожалѣла!

СКАЛОЗУБЪ.

Позвольте, разскажу вамъ вѣсть:
Княгиня Ласова какая-то здѣсь есть,
Наѣздница, вдова,—но нѣтъ примѣровъ,
Чтобъ ѣздило съ ней много кавалеровъ,—
На дняхъ расшиблась въ пухъ;
Жокей не поддержалъ—считалъ онъ, видно, мухъ.
И безъ того она, какъ слышно, неуклюжа,
Теперь ребра недостаетъ,
Такъ для поддержки ищетъ мужа.

СОФЬЯ.

Ахъ, Александръ Андреичъ! вотъ
Явитесь-вы вполнѣ великодушны,
Къ несчастью ближняго вы такъ неравнодушны!

ЧАЦКІЙ.

Да-съ, это я сейчасъ явилъ
Моимъ усерднѣйшимъ стараньемъ,
И прысканьемъ, и оттираньемъ...
Не знаю для кого, но васъ я воскресилъ.
(Беретъ шляпу и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ, кромѣ ЧАЦКАГО.

СОФЬЯ.

Вы вечеромъ къ намъ будете?

СКАЛОЗУБЪ.

Какъ рано?

СОФЬЯ.

Пораньше. Съѣдутся домашніе друзья,
Потанцовать подъ фортепьяно.
Мы въ траурѣ, такъ бала дать нельзя.

СКАЛОЗУБЪ.

Явлюсь, но къ батюшкѣ зайти я обѣщался...
Откланяюсь

СОФЬЯ.

Прощайте.

СКАЛОЗУБЪ (жметъ руку Молчалину).

Вашъ слуга.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

СОФЬЯ, ЛИЗА, МОЛЧАЛИНЪ.

СОФЬЯ.

Молчалинъ! какъ во мнѣ разсудокъ цѣлъ остался!
Вѣдь знаете, какъ жизнь мнѣ ваша дорога!
Зачѣмъ же ей играть, и такъ неосторожно?
Скажите, что у васъ съ рукой?
Не дать ли капель вамъ? Не нуженъ ли покой?
Пошлите къ доктору; пренебрегать не должно.

МОЛЧАЛИНЪ.

Платкомъ перевязалъ—не больно мнѣ съ тѣхъ поръ.

ЛИЗА.

Ударюсь объ закладъ, что вздоръ;
И если бъ не къ лицу, не нужно перевязки;
А то не вздоръ, что вамъ не избѣжать огласки:
На смѣхъ, того гляди, подыметъ Чацкій васъ;
И Скалозубъ, какъ свой хохолъ закрутитъ,
Разскажетъ обморокъ, прибавитъ сто прикрасъ;
Шутить и онъ гораздъ—вѣдь нынче кто не шутитъ.

СОФЬЯ.

А кѣмъ изъ нихъ я дорожу?
Хочу люблю, хочу скажу.
Молчалинъ! будто я себя не принуждала?
Вошли вы—слова не сказала;
При нихъ не смѣла я дохнуть,
У васъ спросить, на васъ взглянуть!

МОЛЧАЛИНЪ.

Нѣтъ, Софья Павловна, вы слишкомъ откровенны...

СОФЬЯ.

Откуда скрытность почерпнуть?
Готова я была въ окошко къ вамъ спрыгнуть.
Да что мнѣ до кого? до нихъ? до всей вселенной?
Смѣшно?—пусть шутятъ ихъ; досадно?—пусть бранятъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Не повредила бы намъ откровенность эта.

СОФЬЯ.

Неужто на дуэль васъ вызвать захотятъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Ахъ! злые языки страшнѣе пистолета...

ЛИЗА.

Сидятъ они у батюшки теперь;
Вотъ ка-бы вы порхнули въ дверь
Съ лицомъ веселымъ, беззаботно.
Когда намъ скажутъ, что хотимъ,
Куда какъ вѣрится охотно!
И Александръ Андреичъ—съ нимъ
О прежнихъ дняхъ, о тѣхъ проказахъ,
Поразвернитесь-ка въ разсказахъ;
Улыбочка и пара словъ—
И кто влюбленъ—на все готовъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Я вамъ совѣтовать не смѣю.
(Цѣлуетъ ей руку).

СОФЬЯ.

Хотите вы?.. Пойду любезничать сквозь слезъ;
Боюсь, что выдержать притворства не съумѣю.
Зачѣмъ сюда Богъ Чацкаго принесъ!
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

МОЛЧАЛИНЪ, ЛИЗА.

МОЛЧАЛИНЪ.

Веселое созданье ты, живое!

ЛИЗА.

Прошу пустить, и безъ меня васъ двое.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какое личико твое! (Хочетъ ее обнять).
Какъ я тебя люблю!

ЛИЗА.

А барышню?

МОЛЧАЛИНЪ.

Ее
По должности, тебя...

ЛИЗА.

От скуки?
Прошу подальше руки!

МОЛЧАЛИНЪ.

Есть у меня вещицы три:
Есть туалетъ—прехитрая работа!
Снаружи зеркальце и зеркальце внутри,
Кругомъ все прорѣзь, позолота;
Подушечка, изъ бисера узоръ,
И перламутровый приборъ:
Игольничекъ и ножинки—какъ милы!
Жемчужинки, растертыя въ бѣлилы!
Помада есть для губъ и для другихъ причинъ;
Съ духами сткляночки: резéда и жасминъ.

ЛИЗА.

Вы знаете, что я не льщусь на интересы;
Скажите лучше, почему
Вы съ барышней скромны, а съ горничной повѣсы?

МОЛЧАЛИНЪ.

Сегодня боленъ я; обвязки не сниму.
Приди въ обѣдъ, побудь со мною —
Я правду всю тебѣ открою.
(Уходитъ въ боковую дверь).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

СОФЬЯ И ЛИЗА.

СОФЬЯ.

Была у батюшки,—тамъ нѣту никого.
Сегодня я больна и не пойду обѣдать.
Скажи Молчалину, и позови его,
Чтобъ онъ пришелъ меня провѣдать.
(Уходитъ къ себѣ въ комнату).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ЛИЗА.

Ну! люди въ здѣшней сторонѣ!
Она къ нему, а онъ ко мнѣ;
А я... одна лишь я любви до смерти трушу!
А какъ не полюбить буфетчика Петрушу?

ДѢИСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЧАЦКІЙ, потомъ СОФЬЯ.

ЧАЦКІЙ.

Дождусь ее, и вынужу признанье:
Кто наконецъ ей милъ? Молчалинъ? Скалозубъ?
Молчалинъ прежде былъ такъ глупъ!...
Жалчайшее созданье!
Ужъ развѣ поумнѣлъ?.. А тотъ—
Хрипунъ, удавленникъ, фаготъ,
Созвѣздіе маневровъ и мазурки!
Судьба любви—играть ей въ жмурки,
А мнѣ...
(Входитъ Софья).
Вы здѣсь? я очень радъ,
Я этого желалъ.

СОФЬЯ (про себя).

И очень не впопадъ.

ЧАЦКІЙ.

Конечно не меня искали?

СОФЬЯ.

Я не искала васъ.

ЧАЦКІЙ.

Дознаться мнѣ нельзя ли,
Хоть и не кстати, нужды нѣтъ,
Кого вы любите?

СОФЬЯ.

Ахъ, Боже мой! весь свѣтъ!

ЧАЦКІЙ.

Кто болѣе вамъ милъ?

СОФЬЯ.

Есть многіе родные.

ЧАЦКІЙ.

Всѣ болѣе меня?

СОФЬЯ.

Иные.

ЧАЦКІЙ.

И я чего хочу, когда все рѣшено?
Мнѣ въ петлю лѣзть, а ей смѣшно.

СОФЬЯ.

Хотите ли знать истинны два слова?
Малѣйшая въ комъ странность чуть видна—

Веселость ваша не скромна,
У васъ тотчасъ ужъ острота готова;
А сами вы...

ЧАЦКІЙ.

А самъ? не правда ли смѣшонъ?

СОФЬЯ.

Да! грозный взглядъ, и рѣзкій тонъ,
И этихъ въ васъ особенностей бездна;
А надъ собой гроза куда не безполезна.

ЧАЦКІЙ.

Я страненъ? А не страненъ кто жъ?
Тотъ, кто на всѣхъ глупцовъ похожъ—
Молчалинъ, напримѣръ...

СОФЬЯ.

Примѣры мнѣ не новы;
Замѣтно, что вы желчь на всѣхъ излить готовы.
А я, чтобъ не мѣшать, отсюда удалюсь.

ЧАЦКІЙ (держитъ ее).

Постойте же! (Въ сторону) Разъ въ жизни притворюсь.
(Громко) Оставимте мы эти пренья.
Передъ Молчалинымъ не правъ я, виноватъ;
Быть можетъ онъ не то, что три года назадъ;
Есть на землѣ такія превращенья
Правленій, климатовъ, и нравовъ, и умовъ;
Есть люди важные, слыли за дураковъ:

Иной по арміи, иной плохимъ поэтомъ,
Иной... боюсь назвать... но признано всѣмъ свѣтомъ,
Особенно въ послѣдніе года,
Что стали умны хоть куда!
Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, геній смѣлый;
Но есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость
та,
Чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый
Казался прахъ и суета?
Чтобъ сердца каждое біенье
Любовью ускорялось къ вамъ?
Чтобъ мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ его дѣламъ
Душою—*вы*? Вамъ угожденье?..
Самъ это чувствую, сказать лишь не могу!
Но что теперь во мнѣ кипитъ, волнуетъ, бѣситъ,
Не пожелалъ бы я и личному врагу,
А онъ?.. смолчитъ и голову повѣситъ.
Конечно смиренъ—всѣ такіе не рѣзвы;
Богъ знаетъ въ немъ какая тайна скрыта;
Богъ знаетъ, за него что выдумали вы,
Чѣмъ голова его ввѣкъ не была набита.
Быть можетъ, качествъ вашихъ тьму,
Любуясь имъ, вы придали ему:
Не грѣшенъ онъ ни въ чемъ, вы во ста разъ грѣшнѣе.
Нѣтъ! нѣтъ! пускай уменъ, часъ отъ часу умнѣе;
Но васъ онъ стоитъ ли? вотъ вамъ одинъ вопросъ.
Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести утрату,
Какъ человѣку вы, который съ вами взросъ,
Какъ другу вашему, какъ брату,
Мнѣ дайте убѣдиться въ томъ;
Потомъ
Отъ сумасшествія могу я остеречься;

Пущусь подалѣе простыть, охолодѣть;
Не думать о любви, но буду я умѣть
Теряться по свѣту, забыться и развлечься.

СОФЬЯ (про себя).

Вотъ нехотя съ ума свела!

(Вслухъ)

Что притворяться?
Молчалинъ давича могъ безъ руки остаться,
Я живо въ немъ участье приняла;
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всѣмъ и безъ разбору;
Но можетъ истина въ догадкахъ вашихъ есть,
И горячо его беру я подъ защиту:
Зачѣмъ же быть, скажу вамъ напрямикъ,
Такъ невоздержну на языкъ?
Въ презрѣньи къ людямъ такъ нескрыту
Что и смирнѣйшему пощады нѣтъ!... чего?
Случись кому назвать его:
Градъ колкостей и шутокъ вашихъ грянетъ.
Шутить! и вѣкъ шутить! какъ васъ на это станетъ?..

ЧАЦКІЙ.

Ахъ, Боже мой! неужли я изъ тѣхъ,
Которымъ цѣль всей жизни смѣхъ?
Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю,
А чаще—съ ними я скучаю.

СОФЬЯ.

Напрасно это вы относите къ другимъ:
Молчалинъ вамъ наскучилъ-бы едва-ли,
Когда бъ сошлись короче съ нимъ.

ЧАЦКІЙ (съ жаромъ).

Зачѣмъ же вы его такъ коротко узнали?

СОФЬЯ.

Я не старалась: Богъ насъ свелъ.
Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домѣ пріобрѣлъ;
При батюшкѣ три года служитъ,
Тотъ часто безъ толку сердитъ,
А онъ безмолвіемъ его обезоружитъ,
Отъ доброты души проститъ;
И между прочимъ
Веселостей искать бы могъ;
Ничуть: отъ старичковъ не ступитъ за порогъ;
Мы рѣзвимся, хохочемъ,—
Онъ съ ними цѣлый день засядетъ, радъ не радъ,
Играетъ...

ЧАЦКІЙ.

Цѣлый день играетъ!
Молчитъ, когда его бранятъ!..
(Въ сторону) Она его не уважаетъ!

СОФЬЯ.

Конечно, нѣтъ въ немъ этого ума,
Что геній для иныхъ, а для иныхъ чума,
Который скоръ, блестящъ и скоро опротивитъ,
Который свѣтъ ругаетъ наповалъ,
Чтобъ свѣтъ объ немъ хоть что нибудь сказалъ;
Да эдакой ли умъ семейство осчастливитъ?

ЧАЦКІЙ.

Сатира и мораль смыслъ этого всего?
(Въ сторону) Она не ставитъ въ грошъ его.

СОФЬЯ.

Чудеснѣйшаго свойства
Онъ наконецъ: уступчивъ, скроменъ, тихъ,
Въ лицѣ ни тѣни безпокойства,
И на душѣ проступковъ никакихъ;
Чужихъ и вкривь и вкось не рубитъ—
Вотъ я за что его люблю.

ЧАЦКІЙ (въ сторону).

Шалитъ! она его не любитъ.
(Вслухъ) Докончить я вамъ пособлю
Молчалина изображенье.
Но Скалозубъ? Вотъ заглядѣнье!
За армію стоитъ горой,
И прямизною стана,
Лицомъ и голосомъ герой...

СОФЬЯ.

Не моего романа.

ЧАЦКІЙ.

Не вашего? Кто разгадаетъ васъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

ЧАЦКІЙ, СОФЬЯ, ЛИЗА.

ЛИЗА (шопотомъ).

Сударыня, за мной, сейчасъ
Къ вамъ Алексѣй Степанычъ будетъ.

СОФЬЯ.

Простите, надобно идти мнѣ поскорѣй.

ЧАЦКІЙ.

Куда?

СОФЬЯ.

Къ прикмахеру.

ЧАЦКІЙ.

Богъ съ нимъ.

СОФЬЯ.

Щипцы простудитъ.

ЧАЦКІЙ.

Пускай себѣ...

СОФЬЯ.

Нельзя, ждемъ на вечеръ гостей.

ЧАЦКІЙ.

Богъ съ вами! остаюсь опять съ моей загадкой.
Однако, дайте мнѣ зайти хотя украдкой
Къ вамъ въ комнату на нѣсколько минутъ;
Тамъ стѣны, воздухъ—все пріятно!..
Согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдохнуть дадутъ
Воспоминанія объ томъ, что невозвратно!
Не засижусь, войду,—всего минуты двѣ...
Потомъ, подумайте, членъ Англійскаго клуба,
Я тамъ дни цѣлые пожертвую молвѣ
Про умъ Молчалина, про душу Скалозуба.
(Софья пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запирается; за нею Лиза).

ЯВЛЕНІЕ III.

ЧАЦКІЙ, потомъ МОЛЧАЛИНЪ.

ЧАЦКІЙ.

Ахъ, Софья! Неужли Молчалинъ избранъ ей!
А чѣмъ не мужъ? Ума въ немъ только мало;
Но чтобъ имѣть дѣтей,
Кому ума не доставало?
Услужливъ, скромненькій, въ лицѣ румянецъ есть.
(Входитъ Молчалинъ).
Вотъ онъ, на цыпочкахъ, и небогатъ словами...
Какою ворожбой умѣлъ къ ней въ сердце влѣзть!
(Обращается къ нему).
Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Не удалось сказать двухъ словъ.
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынче, безъ печали?

МОЛЧАЛИНЪ.

По прежнему-съ.

ЧАЦКІЙ.

А прежде какъ живали?

МОЛЧАЛИНЪ.

День за день, нынче какъ вчера.

ЧАЦКІЙ.

Къ перу отъ картъ, и къ картамъ отъ пера?
И положонный часъ приливамъ и отливамъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.

ЧАЦКІЙ.

Взманили почести и знатность?

МОЛЧАЛИНЪ.

Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ...

ЧАЦКІЙ.

У васъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Два-съ:
Умѣренность и акуратность.

ЧАЦКІЙ.

Чудеснѣйшіе два! и стоютъ нашихъ всѣхъ!

МОЛЧАЛИНЪ.

Вамъ не дались чины, по службѣ неуспѣхъ?

ЧАЦКІЙ.

Чины людьми даются;
А люди могутъ обмануться.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ удивлялись мы!

ЧАЦКІЙ.

Какое жъ диво тутъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Жалѣли васъ.

ЧАЦКІЙ.

Напрасный трудъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,
Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ...

ЧАЦКІЙ.

Ей почему забота?

МОЛЧАЛИНЪ.

Татьянѣ Юрьевнѣ?

ЧАЦКІЙ.

Я съ нею не знакомъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Съ Татьяной Юрьевной?

ЧАЦКІЙ.

Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались,
Слыхалъ, что вздорная...

МОЛЧАЛИНЪ.

Да это полно та-ли-съ?
Татьяна Юрьевна!.. извѣстная; притомъ
Чиновные и должностные
Всѣ ей друзья и всѣ родные;
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ...

ЧАЦКІЙ.

На что же?

МОЛЧАЛИНЪ.

Такъ! частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.

ЧАЦКІЙ.

Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ обходительна, добра, мила, проста!
Балы даетъ, нельзя богаче,
Отъ рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ.
Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить?
И награжденья брать и весело пожить?

ЧАЦКІЙ.

Когда въ дѣлахъ—я отъ веселій прячусь;
Когда дурачиться—дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма охотниковъ; я не изъ ихъ числа.

МОЛЧАЛИНЪ.

Простите; впрочемъ, тутъ не вижу преступленья.
Вотъ самъ Ѳома Ѳомичъ—знакомъ онъ вамъ?

ЧАЦКІЙ.

Ну, что жъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

При трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья;
Переведенъ сюда...

ЧАЦКІЙ.

Хорошъ!
Пустѣйшій человѣкъ, изъ самыхъ безтолковыхъ!

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ можно? слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ!
Читали вы?

ЧАЦКІЙ.

Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть;
Не сочинитель я...

ЧАЦКІЙ.

И по всему замѣтно.

МОЛЧАЛИНЪ.

Не смѣю моего сужденья произнесть.

ЧАЦКІЙ.

Зачѣмъ же такъ секретно?

МОЛЧАЛИНЪ.

Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

ЧАЦКІЙ.

Помилуйте, мы съ вами не ребяты;
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

МОЛЧАЛИНЪ.

Вѣдь надобно жъ зависѣть отъ другихъ.

ЧАЦКІЙ.

Зачѣмъ же надобно?

МОЛЧАЛИНЪ.

Въ чинахъ мы небольшихъ.

ЧАЦКІЙ.

Съ такими чувствами! съ такой душою!
Любимъ!.. Обманщица смѣялась надо мною!

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Вечеръ. Всѣ двери настежъ, кромѣ въ спальню Софьи. Въ перспективѣ раскрывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ; слуги суетятся; одинъ изъ нихъ, главный, говоритъ).

Эй! Филька, Ѳомка, ну, ловчѣй!
Столы для картъ, мѣлъ, щетокъ и свѣчей!
(Стучится къ Софьи въ дверь).
Скажите барышнѣ скорѣе, Лизавета:
Наталья Дмитревна и съ мужемъ, и къ крыльцу
Еще подъѣхала карета.
(Расходятся; остается одинъ Чацкій).

ЯВЛЕНІЕ V.

ЧАЦКІЙ, НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА (молодая дама).

НАТ. ДМИТР.

Не ошибаюсь ли?.. онъ точно, по лицу...
Ахъ! Александръ Андреичъ, вы ли?

ЧАЦКІЙ.

Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы;
Неужли такъ меня три года измѣнили?

НАТ. ДМИТР.

Я полагала васъ далеко отъ Москвы.
Давно ли?

ЧАЦКІЙ.

Нынче лишь

НАТ. ДМИТР.

Надолго?

ЧАЦКІЙ.

Какъ случится.
Однако кто, смотря на васъ, не подивится?
Полнѣе прежняго, похорошѣли страхъ;
Моложе вы, свѣжѣе стали;
Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ.

НАТ. ДМИТР.

Я замужемъ.

ЧАЦКІЙ.

Давно бы вы сказали!

НАТ. ДМИТР.

Мой мужъ, прелестный мужъ, вотъ онъ сейчасъ войдетъ;
Я познакомлю васъ—хотите?

ЧАЦКІЙ.

Прошу.

НАТ. ДМИТР.

И знаю напередъ,
Что вамъ понравится. Взгляните и судите.

ЧАЦКІЙ.

Я вѣрю: онъ вамъ мужъ.

НАТ. ДМИТР.

О нѣтъ-съ, не потому;
Самъ по себѣ, по нраву, по уму.
Платонъ Михайлычъ мой единственный, безцѣнный!
Теперь въ отставкѣ, былъ военный;
И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
Что съ храбростью его, съ талантомъ,
Когда бы службу продолжалъ,
Конечно былъ бы онъ московскимъ комендантомъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЧАЦКІЙ, НАТ. ДМИТР., ПЛАТОНЪ МИХАЙЛ.

НАТ. ДМИТР.

Вотъ мой Платонъ Михайлычъ.

ЧАЦКІЙ.

Ба!
Другъ старый, мы давно знакомы! Вотъ судьба!

ПЛАТ. МИХ.

Здорово, Чацкій, братъ.

ЧАЦКІЙ.

Платонъ любезный, славно!
Похвальный листъ тебѣ—ведешь себя исправно.

ПЛАТ. МИХ.

Какъ видишь, братъ:
Московскій житель и женатъ.

ЧАЦКІЙ.

Забытъ шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ?

ПЛАТ. МИХ.

Нѣтъ, есть таки занятья:
На флейтѣ я твержу дуэтъ
А-мольный...

ЧАЦКІЙ.

Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже.

ПЛАТ. МИХ.

Братъ, женишься, тогда меня вспомянь!
Отъ скуки будешь ты свистѣть одно и то же.

ЧАЦКІЙ.

Отъ скуки! какъ? ужъ ты ей платишь дань!

НАТ. ДМИТР.

Платонъ Михайлычъ мой къ занятьямъ склоненъ разнымъ,

Которыхъ нѣтъ теперь; къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ манежу... иногда скучаетъ по утрамъ.

ЧАЦКІЙ.

А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть празднымъ?
Въ полкъ—эскадронъ дадутъ! Ты оберъ или штабъ?

НАТ. ДМИТР.

Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ очень слабъ.

ЧАЦКІЙ.

Здоровьемъ слабъ! Давно ли?

НАТ. ДМИТР.

Все ревматизмъ и головныя боли!

ЧАЦКІЙ.

Движенья болѣе. Въ деревню, въ теплый край.
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ рай.

НАТ. ДМИТР.

Платонъ Михайлычъ городъ любитъ
Москву; за что въ глуши онъ дни свои погубитъ!

ЧАЦКІЙ.

Москву и городъ... Ты чудакъ!
А помнишь прежнее?

ПЛАТ. МИХ.

Да, братъ, теперь не такъ...

НАТ. ДМИТР.

Охъ! мой дружочекъ!
Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ,
Ты распахнулся весь и растегнулъ жилетъ.

ПЛАТ. МИХ.

Теперь, братъ, я не тотъ...

НАТ. ДМИТР.

Послушайся разочекъ,
Мой милый,—застегнись скорѣй.

ПЛАТ. МИХ. (хладнокровно).

Сейчасъ.

НАТ. ДМИТР.

Да отойди подальше отъ дверей:
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади!

ПЛАТ. МИХ.

Теперь, братъ, я не тотъ...

НАТ. ДМИТР.

Мой ангелъ, Бога ради,
Отъ двери дальше отойди.

ПЛАТ. МИХ. (глаза къ небу).

Ахъ, матушка!

ЧАЦКІЙ.

Ну, Богъ тебя суди;
Ужъ точно сталъ не тотъ въ короткое ты время;
Не въ третьемъ ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? лишь утро, ногу въ стремя—
И носишься на борзомъ жеребцѣ;
Осенній вѣтеръ дуй хоть спереди, хоть съ тыла.

ПЛАТ. МИХ.

Эхъ! братецъ! славное тогда житье-то было.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ, КНЯЗЬ ТУГОУХОВСКІЙ И КНЯГИНЯ СЪ ШЕСТЬЮ ДОЧЕРЬМИ.

НАТ. ДМИТР. (тоненькимъ голоскомъ).

Князь Петръ Ильичъ! княгиня! Боже мой!
Княжна Зизи! Мими!

(Громкія лобызанія, потомъ усаживаются и осматриваютъ одна другую съ головы до ногъ).

1 КНЯЖНА.

Какой фасонъ прекрасный.

2 КНЯЖНА.

Какія складочки!

1 КНЯЖНА.

Обшито бахрамой.

НАТ. ДМИТР.

Нѣтъ, если бъ видѣли мой тюрлюрлю атласный!

3 КНЯЖНА.

Какой эшарпъ cousin мнѣ подарилъ!

4 КНЯЖНА.

Ахъ, да! барежевой.

5 КНЯЖНА.

Ахъ, прелесть!

6 КНЯЖНА.

Ахъ, какъ милъ!

КНЯГИНЯ.

Ссъ!—Кто это въ углу, вошли мы, поклонился?

НАТ. ДМИТР.

Пріѣзжій, Чацкій.

КНЯГИНЯ.

От-ста-вной?

НАТ. ДМИТР.

Да, путешествовалъ, недавно воротился.

КНЯГИНЯ.

И хо-ло-стой?

НАТ. ДМИТР.

Да, не женатъ.

КНЯГИНЯ.

Князь, князь! сюда—живѣе!

КНЯЗЬ (къ ней оборачиваетъ слуховую трубку).

О! хмъ!

КНЯГИНЯ.

Къ намъ на вечеръ, въ четвергъ, проси скорѣе Натальи Дмитревны знакомаго; вонъ онъ!

КНЯЗЬ.

И, хмъ!

(Отправляется, вьется около Чацкаго и покашливаетъ).

КНЯГИНЯ.

Вотъ то-то дѣтки!
Имъ балъ, а батюшка таскайся на поклонъ;
Танцовщики ужасно стали рѣдки!..
Онъ камеръ-юнкеръ?

НАТ. ДМИТР.

Нѣтъ.

КНЯГИНЯ.

Богатъ?

НАТ. ДМИТР.

О, нѣтъ!

КНЯГИНЯ.

Князь, князь! назадъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ И ГРАФИНИ ХРЮМИНЫ: БАБУШКА И ВНУЧКА.

ГРАФ. ВНУЧКА.

Ахъ! grand maman! ну, кто такъ рано пріѣзжаетъ?
Мы первыя! (Пропадаетъ въ боковую комнату).

КНЯГИНЯ.

Вотъ насъ честитъ!
Вотъ первая, а насъ за никого считаетъ!
Зла, въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ, ужъ Богъ ее проститъ.

ГРАФ. ВНУЧКА (вернувшись, направляетъ на Чацкаго двойной лорнетъ).

Мсье Чацкій! вы въ Москвѣ? Какъ были, все такіе!

ЧАЦКІЙ.

На что мѣняться мнѣ?

ГРАФ. ВНУЧКА.

Вернулись холостые?

ЧАЦКІЙ.

На комъ жениться мнѣ?

ГРАФ. ВНУЧКА.

Въ чужихъ краяхъ *на комъ?*
О! нашихъ тьма безъ дальнихъ справокъ
Тамъ женятся, и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусницами модныхъ лавокъ.

ЧАЦКІЙ.

Несчастные! должны ль упреки несть
От подражательницъ модисткамъ
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ?

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ и множество другихъ гостей. Между прочимъ **ЗАГОРѢЦКІЙ**. Мужчины являются, шаркаютъ, отходятъ въ сторону, кочуютъ изъ комнаты въ комнату и проч. **СОФЬЯ** отъ себя выходитъ; всѣ ей на встрѣчу.

ГРАФ. ВНУЧКА.

Eh, bon soir! vous voilà! Jamais trop diligente,
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

На завтрашній спектакль имѣете билетъ?

СОФЬЯ.

Нѣтъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Позвольте вамъ вручить; напрасно бы кто взялся
Другой вамъ услужить. Зато
Куда я ни кидался!
Въ контору—все взято,
Къ директору—онъ мнѣ пріятель—
Съ зарей въ шестомъ часу, и кстати-ль!
Ужъ съ вечера никто достать не могъ;
Къ тому, къ сему—всѣхъ сбилъ я съ ногъ;
И этотъ наконецъ похитилъ уже силой
У одного; старикъ онъ хилой,
Мнѣ другъ, извѣстный домосѣдъ;
Пусть дома просидитъ въ покоѣ!

СОФЬЯ.

Благодарю васъ за билетъ,
А за старанье вдвое.
(Являются еще кое-какіе. Между тѣмъ временемъ Загорѣцкій отходитъ къ мужчинамъ).

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Платонъ Михайлычъ...

ПЛАТ. МИХ.

Прочь.
Поди ты къ женщинамъ, лги имъ, и ихъ морочь!
Я правду объ тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи. (Чацкому) Вотъ, братъ, рекомендую!
Какъ эдакихъ людей учтивѣе зовутъ?
Нѣжнѣе? Человѣкъ онъ свѣтскій,
Отъявленный мошенникъ, плутъ—
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.
При немъ остерегись: переноситъ гораздъ;
И въ карты не садись: продастъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Оригиналъ! брюзгливъ! а безъ малѣйшей злобы!

ЧАЦКІЙ.

И оскорбляться вамъ смѣшно бы;
Окромѣ честности есть множество отрадъ:
Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ.

ПЛАТ. МИХ.

Охъ, нѣтъ, братецъ, у насъ ругаютъ
Вездѣ, а всюду принимаютъ.
(Загорѣцкій мѣшается въ толпу).

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ И ХЛЕСТОВА.

ХЛЕСТОВА.

Легко ли въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Тащиться мнѣ къ тебѣ, племянница?.. Мученье!
Часъ битый ѣхали съ Покровки, силы нѣтъ;
Ночь—свѣта преставленье!
Отъ скуки я взяла съ собой
Арапку-дѣвку да собачку.
Вели ихъ накормить ужо, дружочекъ мой,
Отъ ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте! (Сѣла) Ну, Софьюшка, мой другъ,
Какая у меня арапка для услугъ!
Курчавая! горбомъ лопатки!
Сердитая! всѣ кошачьи ухватки!
Да какъ черна! да какъ страшна!
Вѣдь создалъ же Господь такое племя!
Чортъ сущій! въ дѣвичей она...
Позвать ли?

СОФЬЯ.

Нѣтъ-съ; въ другое время.

ХЛЕСТОВА.

Представь, ихъ какъ звѣрей выводятъ на показъ...
Я слышала, тамъ... городъ есть турецкій...
А знаешь ли, кто мнѣ припасъ?
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.
(Загорѣцкій выставляется впередъ).
Лгунишка онъ, картежникъ, воръ;
(Загорѣцкій исчезаетъ).
Я отъ него было и двери на запоръ;
Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Прасковьѣ
Двоихъ арапченковъ на ярмаркѣ досталъ;
Купилъ, онъ говоритъ; чай, въ карты сплутовалъ,
А мнѣ подарочекъ, дай Богъ ему здоровье!

ЧАЦКІЙ (съ хохотомъ Платону Михайловичу).

Не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ!
И Загорѣцкій самъ не выдержалъ—пропалъ.

ХЛЕСТОВА.

Кто этотъ весельчакъ? Изъ званія какого?

СОФЬЯ.

Вонъ этотъ? Чацкій.

ХЛЕСТОВА.

Ну, а что нашелъ смѣшнаго?
Чему онъ радъ? Какой тутъ смѣхъ?
Надъ старостью смѣяться грѣхъ.

Я помню, ты дитей съ нимъ часто танцовала,
Я за уши его дирала только мало.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ И ФАМУСОВЪ.

ФАМУСОВЪ (громогласно).

Ждемъ князь-Петръ-Ильича,
А князь ужъ здѣсь! А я забился тамъ въ портретной.
Гдѣ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣичъ? а?
Нѣтъ; кажется, что нѣтъ: онъ человѣкъ замѣтной,
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ.

ХЛЕСТОВА.

Творецъ мой! оглушилъ! звончѣе всякихъ трубъ!

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ И СКАЛОЗУБЪ, потомъ МОЛЧАЛИНЪ.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, запоздали!
А мы васъ ждали, ждали, ждали.
(Подводитъ къ Хлестовой).
Моя невѣстушка, которой ужъ давно
Объ васъ говорено.

ХЛЕСТОВА (сидя).

Вы прежде были здѣсь... въ полку... въ томъ... грена-
дерскомъ?

СКАЛОЗУБЪ (басомъ).

Въ его высочества, хотите вы сказать,
Ново-землянскомъ мушкатерскомъ?

ХЛЕСТОВА.

Не мастерица я полки-то различать.

СКАЛОЗУБЪ.

А форменныя есть отлички:
Въ мундирахъ выпушки, погончики, петлички.

ФАМУСОВЪ.

Пойдемте, батюшка, тамъ васъ я посмѣшу;
Курьезный вистъ у насъ. За нами, князь! прошу.
(Его и князя уводитъ съ собою).

ХЛЕСТОВА (Софьѣ).

Ухъ! я точнехонько избавилась отъ петли!
Вѣдь полоумный твой отецъ:
Дался ему трехъ саженъ удалецъ,
Знакомитъ, не спросясь, пріятно ли намъ, нѣтъ ли?

МОЛЧАЛИНЪ (подаетъ ей карту).

Я вашу партію составилъ: мосье Кокъ,
Ѳома Ѳомичъ и я.

ХЛЕСТОВА.

Спасибо, мой дружокъ.
(Встаетъ).

МОЛЧАЛИНЪ.

Вашъ шпицъ—прелестный шпицъ, не болѣе наперстка
Я гладилъ все его: какъ шелковая—шерстка!

ХЛЕСТОВА.

Спасибо, мой родной.
(Уходитъ, за ней Молчалинъ и многіе другіе).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ЧАЦКІЙ, СОФЬЯ и нѣсколько постороннихъ, которые въ продолженіи дѣйствія расходятся.

ЧАЦКІЙ.

Ну! тучу разогналъ...

СОФЬЯ.

Нельзя-ль не продолжать?

ЧАЦКІЙ.

Чѣмъ васъ я напугалъ?
За то, что онъ смягчилъ разгнѣванную гостью,
Хотѣлъ я похвалить.

СОФЬЯ.

А кончили бы злостью.

ЧАЦКІЙ.

Сказать вамъ, что я думалъ? Вотъ:
Старушки всѣ народъ сердитый;

Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ знаменитый
Тутъ былъ какъ громовой отводъ—
Молчалинъ!—Кто другой такъ мирно все уладитъ?
Тамъ моську во время погладитъ!
Тутъ въ пору карточку вотретъ!
Въ немъ Загорѣцкій не умретъ!
Вы давича его мнѣ исчисляли свойства,
Но многія забыли—да?

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

СОФЬЯ, потомъ Г. N.

СОФЬЯ (про себя).

Ахъ! этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!
Унизить радъ, кольнуть; завистливъ, гордъ и золъ!

Г. N. (подходитъ).

Вы въ размышленьи?

СОФЬЯ.

Объ Чацкомъ.

Г. N.

Какъ его нашли по возвращеньи?

СОФЬЯ.

Онъ не въ своемъ умѣ.

Г. N.

Ужли съ ума сошелъ?

СОФЬЯ (помолчавши).

Не то, чтобы совсѣмъ...

Г. N.

Однако есть примѣты?

СОФЬЯ (смотритъ на него пристально).

Мнѣ кажется.

Г. N.

Какъ можно въ эти лѣты!

СОФЬЯ.

Какъ быть!
(Въ сторону) Готовъ онъ вѣрить!
А, Чацкій! любите вы всѣхъ въ шуты рядить,
Угодно ль на себѣ примѣрить?
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Г. N. потомъ Г. D.

Г. N.

Съ ума сошелъ!.. Ей кажется! вотъ на!
Не даромъ, стало быть... съ чего-бъ взяла она!
Ты слышалъ?

Г. D.

Что?

Г. N.

Объ Чацкомъ?

Г. D.

Что такое?

Г. N.

Съ ума сошелъ.

Г. D.

Пустое!

Г. N.

Не я сказалъ, другіе говорятъ.

Г. D.

А ты разславить это радъ?

Г. N.

Пойду, освѣдомлюсь; чай, кто нибудь да знаетъ.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Г. D. потомъ ЗАГОРѢЦКІЙ.

Г. D.

Вѣрь болтуну!
Услышитъ вздоръ, и тотчасъ повторяетъ!
Ты знаешь ли объ Чацкомъ?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Ну?

Г. D.

Съ ума сошелъ!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

А! знаю, помню, слышалъ.
Какъ мнѣ не знать? примѣрный случай вышелъ:
Его въ безумные упряталъ дядя, плутъ...
Схватили, въ желтый домъ, и на цѣпь посадили.

Г. D.

Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Такъ съ цѣпи стало быть спустили.

Г. D.

Ну, милый другъ, съ тобой не надобно газетъ.
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всѣхъ повыспрошу; однако, чуръ, секретъ.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ЗАГОРѢЦКІЙ, потомъ ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Который Чацкій тутъ?.. Извѣстная фамилья...
Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ.
Вы слышали объ немъ?

ГРАФ. ВНУЧКА.

Объ комъ?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Объ Чацкомъ: онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ.

ГРАФ. ВНУЧКА.

Знаю.
Я говорила съ нимъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Такъ я васъ поздравляю;
Онъ сумасшедшій...

ГРАФ. ВНУЧКА.

Что?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Да, онъ сошелъ съ ума!

ГРАФ. ВНУЧКА.

Представьте! я замѣтила сама!
И хоть пари держать: со мной въ одно вы слово.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ТѢ ЖЕ И ГРАФ. БАБУШКА.

ГР. ВНУЧКА.

Ah, grand maman! вотъ чудеса! вотъ ново
Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ?
Послушайте! вотъ прелести! вотъ мило!..

ГР. БАБУШКА (шепелявитъ).

Мой другъ, мнѣ уши заложило;
Скажи погромче...

ГР. ВНУЧКА.

Время нѣтъ!
Il vous dira toute l'histoire...
Пойду, спрошу. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ЗАГОРѢЦКІЙ И ГР. БАБУШКА.

ГР. БАБУШКА.

Что? что? Ужъ нѣтъ ли здѣсь пожара?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Нѣтъ, Чацкій произвелъ всю эту кутерьму.

ГР. БАБУШКА.

Какъ? Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Въ горахъ былъ раненъ въ лобъ,
Сошелъ съ ума отъ раны.

ГР. БАБУШКА.

Что? Къ фармазонамъ въ клобъ?
Пошелъ онъ въ басурманы?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Ее не вразумишь (уходитъ).

ГР. БАБУШКА.

Антонъ Антонычъ! Ахъ!
И онъ бѣжитъ, всѣ въ страхѣ, въ попыхахъ.

ЯВЛЕНІЕ XX.

ГР. БАБУШКА И КН. ТУГОУХОВСКІЙ.

ГР. БАБУШКА.

Князь, князь! охъ, этотъ князь! по баламъ, самъ чуть дышетъ!
Князь, слышали?

КНЯЗЬ.

А! хмъ?

ГР. БАБУШКА.

Онъ ничего не слышитъ!
Хоть можетъ видѣли: здѣсь полицмейстеръ былъ?

КНЯЗЬ.

Э! хмъ?

ГР. БАБУШКА.

Въ тюрьму-то, князь, что Чацкаго схватилъ?

КНЯЗЬ.

И! хмъ?

ГР. БАБУШКА.

Тесакъ ему да ранецъ,
Въ солдаты! Шутка ли! перемѣнилъ законъ!

КНЯЗЬ.

У! хмъ?

ГР. БАБУШКА.

Да!.. въ басурманахъ онъ!
Ахъ, окаянный волтерьянецъ!
Что? а? глухъ, мой отецъ! достаньте свой рожокъ.
Охъ! глухота большой порокъ.

ЯВЛЕНІЕ XXI.

ТѢ ЖЕ И ХЛЕСТОВА, СОФЬЯ, МОЛЧАЛИНЪ, ПЛАТ. МИХ., НАТ. ДМ., ГР. ВНУЧКА, КНЯГИНЯ СЪ ДОЧЕРЬМИ, ЗАГОРѢЦКІЙ, СКАЛОЗУБЪ, потомъ ФАМУСОВЪ и многіе другіе.

ХЛЕСТОВА.

Съ ума сошелъ! прошу покорно!
Да невзначай! да какъ проворно!
Ты, Софья, слышала?

ПЛАТ. МИХ.

Кто первый разгласилъ?

НАТ. ДМ.

Ахъ, другъ мой, всѣ!

ПЛАТ. МИХ.

Ну, всѣ, такъ вѣришь поневолѣ;
А мнѣ сомнительно.

ФАМУСОВЪ (входя).

О чемъ, о Чацкомъ, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открылъ!
Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ.
Попробуй о властяхъ, и не-вѣсть что наскажетъ!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ
Хоть предъ какимъ ни есть лицомъ,
Такъ назоветъ онъ подлецомъ!

ХЛЕСТОВА.

Туда же изъ смѣшливыхъ;
Сказала что-то я: онъ началъ хохотать.

МОЛЧАЛИНЪ.

Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ архивахъ.

ГР. ВНУЧКА.

Меня модисткою изволилъ величать!

НАТ. ДМ.

А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Безумный по всему.

ГР. ВНУЧКА.

Я видѣла изъ глазъ.

ФАМУСОВЪ.

По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:
Покойница съ ума сходила восемь разъ.

ХЛЕСТОВА.

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!
Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ!
Чай, пилъ не по лѣтамъ.

КНЯГИНЯ.

О! вѣрно...

ГР. ВНУЧКА.

Безъ сомнѣнья.

ХЛЕСТОВА.

Шампанское стаканами тянулъ.

НАТ. ДМ.

Бутылками-съ и пребольшими.

ЗАГОРѢЦКІЙ (съ жаромъ).

Нѣтъ-съ, бочками сороковыми.

ФАМУСОВЪ.

Ну, вотъ! великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина!
Ученье—вотъ чума, ученость—вотъ причина,
Что нынче пуще чѣмъ когда
Безумныхъ развелось людей и дѣлъ, и мнѣній.

ХЛЕСТОВА.

И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ, отъ одних,
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ, какъ бишь ихъ,
Да отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій.

КНЯГИНЯ.

Нѣтъ, въ Петербургѣ институтъ
Пе-да-го-ническій—такъ, кажется, зовутъ...
Тамъ упражняются въ расколахъ и въ безвѣрьи
Профессора! у нихъ учился нашъ родня,
И вышелъ хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерьи!

Онъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня!
Чиновъ не хочетъ знать! онъ химикъ, онъ ботаникъ!
Князь Θедоръ, мой племянникъ.

СКАЛОЗУБЪ.

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ насчетъ лицеевъ, школъ, гимназій:
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два;
А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, нѣтъ! ужъ коли зло пресѣчь:
Забрать всѣ книги бы да сжечь.

ЗАГОРѢЦКІЙ (съ кротостью).

Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь. А если бъ, между нами
Былъ цензоромъ назначенъ я,
На басни бы налегъ; охъ, басни смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами!
Кто что ни говори,
Хоть и животныя, а все-таки цари.

ХЛЕСТОВА.

Отцы мои, ужъ кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ все равно, отъ книгъ ли, отъ питья ль,
А Чацкаго мнѣ жаль.
По-христіански, такъ, онъ жалости достоинъ,
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три.

ФАМУСОВЪ.

Четыре.

ХЛЕСТОВА.

Три, сударь.

ФАМУСОВЪ.

Четыреста.

ХЛЕСТОВА.

Нѣтъ! триста.

ФАМУСОВЪ.

Въ моемъ календарѣ...

ХЛЕСТОВА.

Всѣ врутъ календари!

ФАМУСОВЪ.

Какъ разъ четыреста! охъ, спорить голосиста!

ХЛЕСТОВА.

Нѣтъ! триста! ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!

ФАМУСОВЪ.

Четыреста, прошу понять.

ХЛЕСТОВА.

Нѣтъ! триста, триста, триста!

ЯВЛЕНІЕ XXII.

ТѢ ЖЕ ВСѢ И ЧАЦКІЙ.

НАТ. ДМИТР.

Вотъ онъ.

ГР. ВНУЧКА.

Шшъ!

ВСѢ.

Шшъ! (Пятятся отъ него въ противную сторону).

ХЛЕСТОВА.

Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣетъ драться онъ, потребуетъ къ раздѣлкѣ!

ФАМУСОВЪ.

О, Господи, помилуй грѣшныхъ насъ!
(Опасливо). Любезнѣйшій! ты не въ своей тарелкѣ.
Съ дороги нуженъ сонъ. Дай пульсъ. Ты нездоровъ.

ЧАЦКІЙ.

Да, мочи нѣтъ!... мильонъ терзаній
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ.
(Подходитъ къ Софьѣ).
Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой.
Нѣтъ! недоволенъ я Москвой.

ХЛЕСТОВА.

Москва, вишь, виновата!

ФАМУСОВЪ.

Подальше отъ него! (Дѣлаетъ знакъ Софьѣ).
Гмъ, Софья!—Не глядитъ!

СОФЬЯ (Чацкому).

Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?

ЧАЦКІЙ.

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча:
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча,
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ, и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца,
Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ; будто бы въ отечествѣ, съ друзьями;
Своя провинція.—Посмотришь, вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ!
Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды...
Онъ радъ, но мы не рады.
Умолкъ. И тутъ со всѣхъ сторонъ—
Тоска и оханье, и стонъ!
„Ахъ! Франція! Нѣтъ въ мірѣ лучше края"!—
Рѣшили двѣ княжны-сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ.
Куда дѣваться отъ княженъ!
Я одаль возсылалъ желанья
Смиренныя; однако вслухъ,

Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья;
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ нибудь съ душей,
Кто могъ бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.
Пускай меня отъявятъ старовѣромъ,
Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ, на новый ладъ,
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный вьёмъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ;
Движенья связаны и не краса лицу;
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки!..
Какъ платье, волосы—такъ и умы коротки!..
Ахъ, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ.
„Какъ европейское поставить въ параллель
„Съ національнымъ—странно что-то!
„Ну, какъ перевести *мадамъ, мадмуазель?*
„Ужли—сударыня?“—забормоталъ мнѣ кто-то...
Вообразите, тутъ у всѣхъ,
На мой же счетъ поднялся смѣхъ.
„Сударыня! ха! ха! ха! ха! прекрасно!
„Сударыня! ха! ха! ха! ха! ужасно!“

Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый,
Но всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною;—онъ не новый.
Москва и Петербургъ во всей Россіи то,
Что человѣкъ изъ города Бордо:
Лишь ротъ открылъ, имѣетъ счастье
Во всѣхъ княженъ вселять участье;
И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ,
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять, шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять—
Глядь...

(Оглядывается; всѣ въ вальсѣ кружатся съ величайшимъ усердіемъ. Старики разбрелись къ карточнымъ столамъ).

ДѢЙСТВІЕ IV.

У Фамусова въ домѣ парадныя сѣни; большая лѣстница изъ втораго жилья, къ которой примыкаютъ многія побочныя изъ антресолей; внизу справа (отъ дѣйствующихъ лицъ) выходъ на крыльцо и швейцарская ложа; слѣва на одномъ же планѣ комната Молчалина.

Ночь. Слабое освѣщеніе. Лакеи — иные суетятся, иные спятъ въ ожиданіи господъ своихъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГРАФ. БАБУШКА, ГР. ВНУЧКА,
впереди ихъ лакей.

ЛАКЕЙ.

Графини Хрюминой карета.

ГР. ВНУЧКА (покуда ее укутываютъ).

Ну, балъ! Ну, Фамусовъ! умѣлъ гостей назвать!
Какіе-то уроды съ того свѣта,
И не съ кѣмъ говорить, и не съ кѣмъ танцовать.

ГР. БАБУШКА.

Поѣдемъ, матушка! мнѣ право не подъ силу;
Когда нибудь я съ бала да въ могилу.
(Обѣ уѣзжаютъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

ПЛАТ. МИХ. И НАТ. ДМ. (Одинъ лакей около нихъ хлопочетъ, другой у подъѣзда кричитъ)

Карета Горичева!

НАТ. ДМИТР.

Мой ангелъ, жизнь моя,
Безцѣнный, душечка, что смотришь такъ уныло?
(Цѣлуетъ мужа въ лобъ).
Признайся, весело у Фамусовыхъ было.

ПЛАТ. МИХ.

Наташа, матушка, дремлю на балахъ я,
До нихъ смертельный неохотникъ,
А не противлюсь—твой работникъ,
Дежурю за полночь; подъ часъ,
Тебѣ въ угодность, какъ ни грустно,
Пускаюсь по командѣ въ плясъ.

НАТ. ДМИТР.

Ты притворяешься, и очень неискусно;
Охота смертная прослыть за старика.
(Уходитъ съ лакеемъ).

ПЛАТ. МИХ. (хладнокровно).

Балъ вещь хорошая, неволя-то горька;
И кто жениться насъ неволитъ!
Вѣдь сказано жъ, иному на роду...

ЛАКЕЙ (съ крыльца).

Въ каретѣ барыня-съ, и гнѣваться изволитъ.

ПЛАТ. МИХ. (со вздохомъ).

Иду, иду!

(Уѣзжаютъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

ЧАЦКІЙ И ЛАКЕЙ ЕГО впереди.

ЧАЦКІЙ.

Кричи, чтобы скорѣе подавали.

(Лакей уходитъ).

Ну, вотъ, и день прошелъ, и съ нимъ
Всѣ призраки, весь чадъ и дымъ
Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли...
Чего я ждалъ? что думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчъ? участье въ комъ живое?
Крикъ! радость! обнялись!... Пустое!..
Въ повозкѣ такъ-то, на пути,
Необозримою равниной, сидя праздно,
Все что-то видно впереди
Свѣтло, сине, разнообразно;
И ѣдешь часъ, и два, день цѣлый; вотъ рѣзво
Домчались къ отдыху. Ночлегъ. Куда ни взглянешь,
Все та же гладь и степь, и пусто, и мертво...
Досадно! мочи нѣтъ! чѣмъ больше думать станешь...

(Лакей возвращается).

Готово?

ЛАКЕЙ.

Кучера-съ нигдѣ, вишь, не найдутъ.

ЧАЦКІЙ.

Пошелъ, ищи,—не ночевать же тутъ. (Лакей опять уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЧАЦКІЙ, РЕПЕТИЛОВЪ (вбѣгаетъ съ крыльца; при самомъ входѣ падаетъ со всѣхъ ногъ и поспѣшно оправляется).

РЕПЕТИЛОВЪ.

Тьфу, оплошалъ!.. Ахъ, мой Создатель!
Дай протереть глаза... Откудова, пріятель!..
Сердечный другъ! любезный другъ! mon cher!
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля, я что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты;
Сейчасъ... растолковать прошу.
Какъ будто зналъ, сюда спѣшу —
Хвать, объ порогъ задѣлъ ногою,
И растянулся во весь ростъ.
Пожалуй, смѣйся надо мною,
Что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ,
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть;
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,
Такого вѣрнаго, ей, ей;
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
Да разразитъ меня Господь...

ЧАЦКІЙ.

Да полно вздоръ молоть.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Не любишь ты меня—естественное дѣло:
Съ другими я и такъ и сякъ,
Съ тобою говорю несмѣло;
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ.

ЧАЦКІЙ.

Вотъ странное уничиженье!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Ругай меня; я самъ кляну свое рожденье,
Когда подумаю, какъ время убивалъ!
Скажи, который часъ.

ЧАЦКІЙ.

Часъ ѣхать спать ложиться.
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь до бѣла дня,
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!
Читалъ ли ты? есть книга...

ЧАЦКІЙ.

А ты читалъ? задача для меня:
Ты Репетиловъ ли?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Зови меня вандаломъ—
Я это имя заслужилъ:
Людьми пустыми дорожилъ,
Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ!
Объ дѣтяхъ забывалъ! обманывалъ жену!
Игралъ! проигрывалъ! въ опеку взятъ указомъ!
Танцовщицу держалъ! и не одну—
Трехъ разомъ!
Пилъ мертвую! не спалъ ночей по десяти!
Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру...

ЧАЦКІЙ.

Послушай: ври, да знай же мѣру;
Есть отъ чего въ отчаянье придти.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими! всю ночь не рыщу на пролетъ.

ЧАЦКІЙ.

Вотъ нынче, напримѣръ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Что! ночь одна не въ счетъ!
Зато спроси, гдѣ былъ.

ЧАЦКІЙ.

И самъ я догадаюсь;
Чай, въ клубѣ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Въ Англійскомъ. Чтобъ исповѣдь начать:
Изъ шумнаго я засѣданья...
Пожалуста молчи; я слово далъ молчать...
У насъ есть общество, и тайныя собранья
По четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ...

ЧАЦКІЙ.

Ахъ! я, братецъ, боюсь!
Какъ? Въ клубѣ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Именно.

ЧАЦКІЙ.

Вотъ мѣры чрезвычайны,
Чтобъ въ зашеи прогнать и васъ, и ваши тайны.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Напрасно страхъ тебя беретъ:
Вслухъ, громко говоримъ—никто не разберетъ.
Я самъ, какъ схватятся о камерахъ, присяжныхъ,
О Байронѣ, ну, о матерьяхъ важныхъ,
Частенько слушаю, не разжимая губъ;
Мнѣ не подъ силу, братъ; я чувствую, что глупъ.
Ахъ, Alexandre! У насъ тебя недоставало.
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало:
Поѣдемъ-ка сейчасъ; мы благо на ходу.
Съ какими я тебя сведу
Людьми! ужъ на меня нисколько не похожи.
Что за люди, mon cher! сокъ умной молодежи!

ЧАЦКІЙ.

Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскачу?
За чѣмъ? Въ глухую ночь? Домой! я спать хочу.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Э! брось! кто нынче спитъ? Ну, полно, безъ прелюдій
Рѣшись, а мы!... у насъ... рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ!
Кричимъ—подумаешь, что сотни голосовъ!...

ЧАЦКІЙ.

Да изъ чего бѣснуетесь вы столько?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ...

ЧАЦКІЙ.

Шумите вы—и только?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ;
Но государственное дѣло.
Оно, вотъ видишь, не созрѣло;
Нельзя же вдругъ.
Что за люди! mon cher! безъ дальнихъ я исторій
Скажу тебѣ: во первыхъ, князь Григорій,
Чудакъ единственный! насъ со смѣху моритъ!
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка
И также онъ сквозь зубы говоритъ,
И также коротко обстриженъ для порядка.

Ты не знакомъ? о! познакомься съ нимъ.
Другой—Воркуловъ Евдокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? о! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
„*А! нонъ ла-шьяръ ми, но-но-но*“.
Еще у насъ два брата:
Левонъ и Боринька—чудесные ребята!
Объ нихъ не знаешь, что сказать;
Но если генія прикажете назвать:
Удушьевъ Ипполитъ Маркелочь!
Ты сочиненія его
Читалъ ли что нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братецъ! да онъ не пишетъ ничего.
Вотъ эдакихъ людей бы сѣчь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты однако отыскать
Его отрывокъ: *взглядъ* и *нѣчто*.
Объ чемъ бишь *нѣчто?*—обо всемъ,
Все знаетъ; мы его на черный день пасемъ.
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ,
И крѣпко на руку нечистъ,—
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ;
Когда жъ объ честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ:
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, и мы всѣ рыдаемъ.
Вотъ люди, есть-ли имъ подобные? Наврядъ.
Ну, между ними я конечно заурядъ,

Немножко поотсталъ, лѣнивъ—подумать ужасъ!
Однако жъ я, когда, умишкомъ понатужась,
Засяду, часу не сижу,
И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу.
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ,
И въ-шестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ...
Братъ, смѣйся; а что любо—любо!
Способностями Богъ меня не наградилъ,
Далъ сердце доброе—вотъ чѣмъ я людямъ милъ.
Совру—простятъ...

ЛАКЕЙ (у подъѣзда).

Карета Скалозуба.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Чья?

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И СКАЛОЗУБЪ (спускается съ лѣстницы).

РЕПЕТИЛОВЪ (къ нему на встрѣчу).

Ахъ, Скалозубъ! душа моя!
Постой, куда же? сдѣлай дружбу!
(Душитъ его въ объятіяхъ).

ЧАЦКІЙ.

Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ? (входитъ въ швейцарскую).

РЕПЕТИЛОВЪ (Скалозубу).

Слухъ объ тебѣ давно затихъ;
Сказали, что ты въ полкъ отправился на службу.
Знакомы вы? (Ищетъ Чацкаго глазами). Упрямецъ ускакалъ—
Нѣтъ нужды. Я тебя нечаянно сыскалъ,
И просимъ-ка со мной, сейчасъ, безъ отговорокъ:
У князь-Григорія теперь народу тьма;
Увидишь человѣкъ насъ сорокъ.
Фу! сколько, братецъ, тамъ ума!
Всю ночь толкуютъ—не наскучатъ;
Во первыхъ, напоятъ шампанскимъ на убой,
А во вторыхъ, такимъ вещамъ научатъ,
Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой.

СКАЛОЗУБЪ.

Избавь. Ученостью меня не обморочишь;
Скликай другихъ; а если хочешь,
Я князь-Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Волтеры дамъ:
Онъ въ три шеренги васъ построитъ,
А пикните, такъ мигомъ успокоитъ.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Все служба на умѣ! Mon cher, гляди сюда:
И я въ чины бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ,
Какъ можетъ быть никто и никогда;
По статской я служилъ. Тогда
Баронъ фонъ-Клоцъ въ министры мѣтилъ;
А я,
Къ нему въ зятья,

Шелъ напрямикъ, безъ дальней думы;
Съ его женой и съ нимъ пускался въ реверси,
Ему и ей какія суммы
Спустилъ, что Боже упаси!
Онъ на Фонтанкѣ жилъ, я возлѣ домъ построилъ,
Съ колоннами! огромный! сколько стоилъ!
Женился наконецъ на дочери его,
Приданаго взялъ—шишъ, по службѣ—ничего.
Тесть нѣмецъ, а что проку?
Боялся видишь онъ упреку
За слабость будто бы къ роднѣ!
Боялся, прахъ его возьми, да легче ль мнѣ?
Секретари его всѣ хамы, всѣ продажны,
Людишки, пишущая тварь,
Всѣ вышли въ знать, всѣ нынче важны,
Гляди-ка въ адресъ-календарь.
Тьфу! служба и чины, кресты, души мытарства...
Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,
Что радикальныя потребны тутъ лекарства,
Желудокъ больше не варитъ.
(Останавливается, увидя, что Загорѣцкій заступилъ мѣсто Скалозуба, который покудова уѣхалъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

РЕПЕТИЛОВЪ, ЗАГОРѢЦКІЙ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Извольте продолжать; вамъ искренно признаюсь,
Такой же я, какъ вы, ужасный либералъ!
И отъ того, что прямъ и смѣло объясняюсь,
Куда какъ много потерялъ!...

РЕПЕТИЛОВЪ (съ досадой).

Всѣ врознь, не говоря ни слова!
Чуть изъ виду одинъ—гляди, ужъ нѣтъ другова:
Былъ Чацкій—вдругъ исчезъ, потомъ и Скалозубъ...

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Какъ думаете вы объ Чацкомъ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Онъ не глупъ.
Сейчасъ столкнулись мы; тутъ всякіе турусы,
И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль...
Да! водевиль есть вещь, а прочее все гиль!
Мы съ нимъ... у насъ... одни и тѣ же вкусы.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

А вы замѣтили, что онъ
Въ умѣ серьезно поврежденъ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Какая чепуха!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Объ немъ всѣ этой вѣры.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Вранье!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Спросите всѣхъ.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Химеры!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

А кстати вотъ князь Петръ Ильичъ,
Княгиня и съ княжнами.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Дичь!

ЯВЛЕНІЕ VII.

РЕПЕТИЛОВЪ, ЗАГОРѢЦКІЙ, КНЯЗЬ И КНЯГИНЯ СЪ ШЕСТЬЮ ДОЧЕРЬМИ, немного погодя ХЛЕСТОВА спускается съ парадной лѣстницы; МОЛЧАЛИНЪ ведетъ ее подъ руку. ЛАКЕЙ въ суетахъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мнѣнье,
Безумный Чацкій или нѣтъ?

1 КНЯЖНА.

Какое жъ въ этомъ есть сомнѣнье?

2 КНЯЖНА.

Про это знаетъ цѣлый свѣтъ.

3 КНЯЖНА.

Дрянскіе, Хворовы, Варлянскіе, Скачковы!...

4 КНЯЖНА.

Ахъ! вѣсти старыя, кому жъ онѣ новы?

5 КНЯЖНА.

Кто сомнѣвается?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Да вотъ не вѣритъ...

6 КНЯЖНА.

Вы?

ВСѢ ВМѢСТѢ.

Мсье Репетиловъ! вы?—Мсье Репетиловъ! что вы?—
Да какъ вы?—Можно ль противъ всѣхъ!—
Да почему вы?—Стыдъ и смѣхъ!

РЕПЕТИЛОВЪ (затыкаетъ себѣ уши).

Простите: я не зналъ, что это слишкомъ гласно.

КНЯГИНЯ.

Еще не гласно бы. Съ нимъ говорить опасно;
Давно бы запереть пора.
Послушать, такъ его мизинецъ
Умнѣе всѣхъ и даже князь Петра!
Я думаю, онъ просто якобинецъ,
Вашъ Чацкій... Ѣдемте. Князь, ты везти бы могъ
Катишь или Зизи; мы сядемъ въ шестимѣстной.

ХЛЕСТОВА (съ лѣстницы).

Княгиня, карточный должокъ.

КНЯГИНЯ.

За мною, матушка.

ВСѢ (другъ другу).

Прощайте.
(Княжеская фамилія уѣзжаетъ и Загорѣцкій тоже).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

РЕПЕТИЛОВЪ, ХЛЕСТОВА, МОЛЧАЛИНЪ.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Царь небесный!
Анфиса Ниловна! Ахъ! Чацкій бѣдный!.. вотъ!
Что нашъ высокій умъ и тысячи заботъ!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ!

ХЛЕСТОВА.

Такъ Богъ ему судилъ; а впрочемъ,
Полечатъ—вылечатъ авось;
А ты, мой батюшка, неизлечимъ, хоть брось.
Изволилъ во время явиться!
Молчалинъ, вотъ чуланчикъ твой;
Не нужны проводы; поди, Господь съ тобой.
(Молчалинъ уходитъ къ себѣ въ комнату).
Прощайте, батюшка; пора перебѣситься.
(Уѣзжаетъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

РЕПЕТИЛОВЪ (съ своимъ лакеемъ).

РЕПЕТИЛОВЪ.

Куда теперь направить путь?
А дѣло ужъ идетъ къ разсвѣту.
Поди, сажай меня въ карету,
Вези куда нибудь!
(Уѣзжаетъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

(Послѣдняя лампа гаснетъ).

ЧАЦКІЙ (выходитъ изъ швейцарской).

Что это? слышалъ я моими ли ушами?!
Не смѣхъ, а явно злость. Какими чудесами,
Черезъ какое колдовство
Нелѣпость обо мнѣ всѣ въ голосъ повторяютъ?!
И для иныхъ какъ словно торжество,
Другіе будто сострадаютъ...
О! если бъ кто въ людей проникъ:
Что хуже въ нихъ—душа или языкъ?
Чье это сочиненье?
Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ,
Старухи въ мигъ тревогу бьютъ—
И вотъ общественное мнѣнье!
И вотъ та родина... Нѣтъ, въ нынѣшній пріѣздъ,
Я вижу, что она мнѣ скоро надоѣстъ.
А Софья знаетъ ли?—Конечно, разсказали.
Она не то, чтобы мнѣ именно во вредъ

Потѣшилась, и правда, или нѣтъ—
Ей все равно; другой ли, я ли—
Никѣмъ, по совѣсти, она не дорожитъ.
Но этотъ обморокъ, безпамятство откуда?
Нервъ избалованность, причуда—
Возбудитъ малость ихъ, и малость утишитъ—
Я признакомъ почелъ живыхъ страстей... Ни крошки!
Она конечно бы лишилась также силъ,
Когда бы кто нибудь ступилъ
На хвостъ собачки или кошки.

СОФЬЯ.

(Надъ лѣстницей во второмъ этажѣ, со свѣчкою).

Молчалинъ, вы? (Поспѣшно опять дверь припираетъ).

ЧАЦКІЙ.

Она! она сама!
Ахъ! голова горитъ, вся кровь моя въ волненьи.
Явилась! нѣтъ ее! неужели въ видѣньи?
Не впрямь ли я сошелъ съ ума?
Къ необычайности я точно приготовленъ;
Но не видѣнье тутъ—свиданья часъ условленъ,
Къ чему обманывать себя мнѣ самого?
Звала Молчалина,—вотъ комната его.

ЛАКЕЙ его съ крыльца.

Каре...

ЧАЦКІЙ.

Ссъ! (выталкиваетъ его вонъ).
Буду здѣсь, и не смыкая глазу,
Хоть до утра. Ужъ коли горе пить,
Такъ лучше сразу,
Чѣмъ медлить, а бѣды медленьемъ не избыть!
Дверь отворяется. (Прячется за колонну).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ЧАЦКІЙ спрятанъ; ЛИЗА со свѣчкой.

Лиза: Ахъ! мочи нѣтъ! робѣю:
Въ пустыя сѣни! въ ночь! боишься домовыхъ,
Боишься и людей живыхъ.
Мучительница барышня, Богъ съ нею!
И Чацкій какъ бѣльмо въ глазу;
Вишь, показался ей онъ гдѣ-то, здѣсь внизу.
(Осматривается).
Да, какъ же! по сѣнямъ бродить ему охота!
Онъ, чай, давно ужъ за ворота,
Любовь на завтра поберегъ,
Домой и спать залегъ.
Однако велѣно къ сердечному толкнуться.
(Стучится къ Молчалину)
Послушайте-съ! извольте-ка проснуться:
Васъ кличетъ барышня!.. васъ барышня зоветъ!..
Да поскорѣй, чтобъ не застали.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ЧАЦКІЙ (за колонною), ЛИЗА, МОЛЧАЛИНЪ (потягивается и зѣваетъ), СОФЬЯ (крадется съ верху).

ЛИЗА.

Вы, сударь, камень! сударь, ледъ!

МОЛЧАЛИНЪ.

Ахъ, Лизанька! ты отъ себя ли?

ЛИЗА.

Отъ барышни-съ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Кто бъ отгадалъ,
Что въ этихъ щечкахъ, въ этихъ жилкахъ
Любви еще румянецъ не игралъ!
Охота быть тебѣ лишь только на посылкахъ?

ЛИЗА.

А вамъ, искателямъ невѣстъ,
Не нѣжиться и не зѣвать бы;
Пригожъ и милъ—кто не доѣстъ
И не доспитъ до свадьбы.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какая свадьба? Съ кѣмъ?

ЛИЗА.

А съ барышней?

МОЛЧАЛИНЪ.

Поди!
Надежды много впереди:
Безъ свадьбы время проволочимъ.

ЛИЗА.

Что вы, сударь! да мы кого жъ
Себѣ въ мужья другаго прочимъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Не знаю. А меня, такъ пробираетъ дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павелъ Аѳанасьичъ разъ
Когда нибудь поймаетъ насъ,
Разгонитъ, проклянетъ!.. Да что?.. открыть ли душу?
Я въ Софьѣ Павловнѣ не вижу ничего
Завиднаго. Дай Богъ ей вѣкъ прожить богато.
Любила Чацкаго когда-то,
Меня разлюбитъ какъ его.
Мой ангельчикъ, желалъ бы въ половину

Къ ней то же чувствовать, что чувствую къ тебѣ...
Да нѣтъ, какъ ни твержу себѣ,
Готовлюсь нѣжнымъ быть, а свижусь—и простыну.

СОФЬЯ (въ сторону).

Какія низости!

ЧАЦКІЙ (за колонною).

Подлецъ!

ЛИЗА.

И вамъ не совѣстно?

МОЛЧАЛИНЪ.

Мнѣ завѣщалъ отецъ:
Во первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья:
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платья,
Швейцару, дворнику, для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была.

ЛИЗА.

Сказать, сударь, у васъ огромная опека!

МОЛЧАЛИНЪ.

И вотъ любовника я принимаю видъ
Въ угодность дочери такого человѣка...

ЛИЗА.

Который кормитъ и поитъ,
А иногда и чиномъ наградитъ?
Пойдемте же; довольно толковали.

МОЛЧАЛИНЪ.

Пойдемъ любовь дѣлить печальной нашей крали.
Дай, обниму тебя отъ сердца полноты.
(Лиза не дается).
Зачѣмъ она не ты!
(Хочетъ идти, Софья не пускаетъ).

СОФЬЯ (почти шопотомъ; вся сцена въ полголоса).

Нейдите далѣе! Наслушалась я много...
Ужасный человѣкъ! Себя я, стѣнъ стыжусь!

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ! Софья Павловна...

СОФЬЯ.

Ни слова, ради Бога!
Молчите,—я на все рѣшусь.

МОЛЧАЛИНЪ (бросается на колѣна, Софья отталкиваетъ).

Ахъ! вспомните... не гнѣвайтеся, взгляньте!...

СОФЬЯ.

Не помню ничего, не докучайте мнѣ!
Воспоминанія!... какъ острый ножъ онѣ...

МОЛЧАЛИНЪ (ползаетъ у ногъ ея).

Помилуйте...

СОФЬЯ.

Не подличайте, встаньте!
Отвѣта не хочу,—я знаю вашъ отвѣтъ:
Солжете....

МОЛЧАЛИНЪ.

Сдѣлайте мнѣ милость...

СОФЬЯ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..

МОЛЧАЛИНЪ.

Шутилъ, и не сказалъ я ничего окромѣ...

СОФЬЯ.

Отстаньте, говорю; сейчасъ,
Я крикомъ разбужу всѣхъ въ домѣ,
И погублю себя и васъ!
(Молчалинъ встаетъ).
Я, съ этихъ поръ, васъ будто не знавала.
Упрековъ, жалобъ, слезъ моихъ
Не смѣйте ожидать—не стоите вы ихъ;
Но чтобы въ домѣ здѣсь заря васъ не застала,
Чтобъ никогда объ васъ я больше не слыхала!..

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ вы прикажете.

СОФЬЯ.

Иначе разскажу
Всю правду батюшкѣ, съ досады.
Вы знаете, что я собой не дорожу.
Подите... Стойте!.. будьте рады,
Что, при свиданіяхъ со мной въ ночной тиши,
Держались болѣе вы робости во нравѣ,
Чѣмъ даже днемъ, и при людяхъ, и въявѣ.
Въ васъ меньше дерзости, чѣмъ кривизны души.
Сама довольна тѣмъ, что ночью все узнала,
Нѣтъ укоряющихъ свидѣтелей въ глазахъ,

Какъ давича, когда я въ обморокъ упала,
Здѣсь Чацкій былъ..

ЧАЦКІЙ (бросается между ними).

Онъ здѣсь, притворщица!

ЛИЗА И СОФЬЯ.

Ахъ! Ахъ!...
(Лиза свѣчку роняетъ съ испугу; Молчалинъ скрывается къ себѣ въ комнату).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ, кромѣ МОЛЧАЛИНА.

ЧАЦКІЙ.

Скорѣе въ обморокъ!—теперь оно въ порядкѣ:
Важнѣе давишней причина есть тому.
Вотъ наконецъ рѣшеніе загадкѣ!
Вотъ я пожертвованъ кому!
Не знаю, какъ въ себѣ я бѣшенство умѣрилъ!
Глядѣлъ и видѣлъ—и не вѣрилъ!
А *милый*, для кого забытъ
И прежній другъ, и женскій страхъ и стыдъ,
За двери прячется, боится быть въ отвѣтѣ.

Ахъ! какъ игру судьбы постичь?
Людей съ душой гонительница, бичъ!
Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ!

СОФЬЯ (вся въ слезахъ).

Не продолжайте; я виню себя кругомъ!..
Но кто бы думать могъ, чтобъ былъ онъ такъ коваренъ?

ЛИЗА.

Стукъ! шумъ! Ахъ, Боже мой! сюда бѣжитъ весь домъ.
Вашъ батюшка! Вотъ будетъ благодаренъ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ЧАЦКІЙ, СОФЬЯ, ЛИЗА, ФАМУСОВЪ, толпа слугъ со свѣчами.

ФАМУСОВЪ.

Сюда! за мной, скорѣй! скорѣй!
Свѣчей побольше, фонарей!
Гдѣ домовые? Ба! знакомыя все лица!
Дочь!.. Софья Павловна! срамница!
Безстыдница! гдѣ? съ кѣмъ? Ни дать, ни взять она,

Какъ мать ея, покойница жена.
Бывало, я съ дражайшей половиной
Чуть врознь — ужъ гдѣ нибудь съ мужчиной!
Побойся Бога! Какъ? чѣмъ онъ тебя прельстилъ?
Сама его безумнымъ называла!
Нѣтъ! глупость на меня и слѣпота напала!
Все это заговоръ и въ заговорѣ былъ
Онъ самъ и гости всѣ. За что я такъ наказанъ!..

ЧАЦКІЙ (Софьѣ).

Такъ этимъ вымысломъ я вамъ еще обязанъ?

ФАМУСОВЪ.

Братъ, не финти! не дамся я въ обманъ!
Хоть подеритесь—не повѣрю.
Ты, Филька! ты прямой чурбанъ!
Въ швейцары произвелъ лѣнивую тетерю!
Не знаетъ ни про что, не чуетъ ничего!...
Гдѣ былъ? куда ты вышелъ?
Сѣней не заперъ для чего?
И какъ не досмотрѣлъ? и какъ ты не дослышалъ?
Въ работу васъ! на поселенье васъ!
За грошъ продать меня готовы!
Ты, быстроглазая! все отъ твоихъ проказъ!

Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, наряды и обновы;
Тамъ выучилась ты любовниковъ сводить!
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка въ избу, маршъ, за птицами ходить!
Да и тебя, мой другъ, я, дочка, не оставлю:
Еще дня два терпѣніе возьми,
Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ съ людьми;
Подалѣе отъ этихъ хватовъ,
Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Са-
ратовъ!
Тамъ будешь горе горевать,
За пяльцами сидѣть, за святцами зѣвать.
А васъ, сударь, прошу я толкомъ,
Туда не жаловать ни прямо, ни проселкомъ;
И ваша такова послѣдняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будетъ заперта!
Я постараюсь, и въ набатъ я пріударю,
По городу всему надѣлаю хлопотъ,
И оглашу во весь народъ;
Въ сенатъ подамъ, министрамъ, государю...

ЧАЦКІЙ (послѣ нѣкотораго молчанія).

Не образумлюсь... виноватъ!
И слушаю—не понимаю!
Какъ будто все еще мнѣ объяснить хотятъ...
Растерянъ мыслями... чего-то ожидаю...
(Съ жаромъ).
Слѣпецъ! я въ комъ искалъ награду всѣхъ трудовъ?

Спѣшилъ!.. летѣлъ!.. дрожалъ!.. вотъ счастье, думалъ,
близко!
Предъ кѣмъ я давича такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!
А вы! о, Боже мой! *кого* себѣ избрали?
Когда подумаю, *кого* вы предпочли?
Зачѣмъ меня надеждой завлекли?
Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ,
Что память даже вамъ постыла
Тѣхъ чувствъ, въ обоихъ насъ движеній сердца тѣхъ,
Которыя во мнѣ ни даль не охладила,
Ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ!
Дышалъ, и ими жилъ, былъ занятъ безпрерывно!
Сказали бы, что вамъ внезапный мой пріѣздъ,
Мой видъ, мои слова, поступки—все противно—
Я съ вами тотчасъ бы сношенія пресѣкъ,
И передъ тѣмъ, какъ навсегда разстаться,
Не сталъ бы очень добиваться,
Кто этотъ вамъ любезный человѣкъ...
(Насмѣшливо).
Вы помиритесь съ нимъ, по размышленьи зрѣломъ.
Себя крушить, и для чего!
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и посылать за дѣломъ;
Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ жениныхъ пажей—
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей.
Довольно!.. съ вами я горжусь моимъ разрывомъ.
А вы, сударь, отецъ, вы, страстные къ чинамъ,
Желаю вамъ дремать въ невѣдѣньи счастливомъ;
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ.

Другой найдется благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами наконецъ
Онъ будущему тестю равный.
Такъ! отрезвился я сполна,
Мечтанья съ глазъ долой и спала пелена!
Теперь не худо бъ было сряду
На дочь и на отца,
И на любовника глупца,
И на весь міръ излить всю желчь и всю досаду.
Съ кѣмъ былъ? Куда меня закинула судьба?
Всѣ гонятъ! всѣ клянутъ! мучителей толпа,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разсказщиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ.
Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ—
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
Подышетъ воздухомъ однимъ,
И въ комъ разсудокъ уцѣлѣетъ.
Вонъ изъ Москвы! сюда я больше не ѣздокъ.
Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!
Карету мнѣ, карету!
(Уѣзжаетъ).

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢ ЖЕ, кромѣ ЧАЦКАГО.

ФАМУСОВЪ (долгое время стоитъ въ остолбенѣніи).

Ну что? Не видишь ты, что онъ съ ума сошелъ?
Скажи серьезно?
Безумный! что онъ тутъ за чепуху моколъ!
Низкопоклонникъ! тесть! и про Москву такъ грозно!
А ты меня рѣшилась уморить?
Моя судьба еще ли не плачевна?
Ахъ, Боже мой! что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна.